ЗАПИСКИ АДМИРАЛА ЧИЧАГОВА,

заключающія то, что онъ видѣлъ и что, по его мнѣнію, зналъ [1]).

Предварительныя и необходимыя свѣдѣнія [2]).

Вступленіе П. В. Чичагова.

До приступа къ чтенію какого-либо труда иногда пріятно знать, съ кѣмъ будешь имѣть дѣло. Читатели любятъ до извѣстной степени, такъ сказать, ознакомиться съ авторомъ, чтобы на основаніи этого вѣдать въ какой мѣрѣ онъ заслуживаетъ довѣрія. Чтобы дать читателю возможность сдѣлать въ этомъ отношеніи свои предположенія, скажу, что я въ томъ возрастѣ, въ которомъ страсти успѣли уже угомониться; преувеличенныя идеи,—плоды юности, неопытности и иныхъ теорій,—успѣли измѣниться и придти въ надлежащій порядокъ.

Я не ослѣпленъ никакимъ духомъ партіи. Чтобы составить себѣ мнѣніе, я принужденъ прибѣгнуть къ космополитизму, т. е. къ полному безпристрастію (лишь-бы меня оставили въ покоѣ, вотъ все чего я прошу), и горячо къ сердцу не принимаю никакой политической системы.

Наконецъ, трудъ мой, не есть созданіе воображенія, или вымысла, отдаляющагося обыкновенно отъ дѣйствительности. Я разскажу факты, за которые могу отвѣтствовать, и отдамъ отчетъ

---

1) Надпись, сдѣланная рукою П. В. Чичагова.

2) Это вступленіе автора найдено въ черновомъ наброскѣ.

Л. Ч.

во впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на меня этими фактами. Дальнѣйшія подробности о личности автора находятся въ самомъ сочиненіи, и того, что сказано мною, достаточно для вступленія.

Затѣмъ, скажу, что хотя я и великій приверженецъ моего политическаго исповѣданія и врагъ произвола, но отъ меня не должно ожидать, чтобы я въ моихъ воззрѣніяхъ доходилъ до либерализма, до того предположенія, чтобы всѣ народы были способны къ самоуправленію, т. е. быть свободными. Я думаю, напротивъ; что можетъ существовать немного націй, способныхъ къ воспринятію наибольшей доли той свободы, которая существуетъ въ Англіи и Америкѣ, и что о свободѣ можно сказать то-же, что и о правдѣ: „давать ее слѣдуетъ въ пріемахъ, соотвѣтствующихъ натурѣ каждаго народа". Но въ то-же время я убѣжденъ, что никто не имѣетъ права отказывать кому-бы то ни было въ степени подобающей ему свободы и еще того менѣе отнимать права, пріобрѣтенныя или негласно, путемъ привычекъ и обычаевъ, или дарованныя въ позднѣйшія времена.

Слѣдовательно, весьма ошибочно было-бы обвинять меня въ томъ, будто я противникъ освобожденія рабовъ вообще. Тиранія не что иное, какъ постоянное совершеніе дѣяній произвольныхъ и несправедливыхъ, а ея законы—плоды ея мудрости.

Остается послѣднимъ словомъ предварить читателя о томъ, что сужденія, произносимыя въ моихъ запискахъ о людяхъ, будутъ основаны на современной физіологіи — единственной путеводительницѣ къ свѣдѣніямъ положительнымъ.

Павелъ Чичаговъ.

ГЛАВА I.

В. Я. Чичаговъ—мой отецъ.—Понятіе о благородствѣ въ моемъ отечествѣ.—Изъ кого состоитъ дворянство.—Воспитаніе отца въ школѣ навигацкихъ наукъ въ Москвѣ.—Участіе его въ семилѣтней войнѣ.—Женитьба отца.

Отецъ мой родился въ годъ смерти Петра Великаго (1725) и имѣлъ особенное счастіе начать свою жизнь въ царствованіе женщинъ: дѣтство его протекло при Екатеринѣ I и Аннѣ, дальнѣйшее существованіе при Елисаветѣ, и, наконецъ въ прекраснѣйшее и продолжительнѣйшее царствованіе Екатерины Великой, умѣвшей оцѣнить его достоинства. Онъ оставилъ службу при Павлѣ, и я его лишился въ началѣ царствованія Александра.

Онъ былъ истинно честный человѣкъ, почти безпримѣрнаго безкорыстія, при всеобщей склонности къ взяточничеству и корыстолюбію, тогда какъ недостатокъ въ средствахъ могъ и его къ тому-же побудить. Онъ былъ набоженъ безъ суевѣрія, высоко цѣнилъ добродѣтель и гнушался порокомъ; трезвый и воздержанный по необходимости и врожденному вкусу, онъ со строжайшею добросовѣстностію исполнялъ свои обязанности въ отношеніи къ Богу и престолу. Чуждый всякихъ происковъ, онъ ожидалъ всего отъ образа своихъ дѣйствій и отъ Божественнаго Промысла, велѣніямъ котораго подчинялся самоотверженно и въ этомъ никогда не раскаявался.

Очеркъ жизни и воспитанія моего отца, который я намѣреваюсь изобразить, займетъ промежутокъ времени около полувѣка, предшествовавшаго моему рожденію. Изъ него можно будетъ усмотрѣть на какой степени стояла тогда цивилизація въ Россіи; затѣмъ, какими средствами располагали мои родители для воспитанія своихъ дѣтей—и, такимъ образомъ, читатель будетъ въ состояніи сравнить воспитаніе, полученное моимъ отцомъ, съ тѣмъ, которое могли дать мнѣ, и судить о незначительности успѣховъ народнаго образованія въ шестидесятилѣтній періодъ, не взирая на царствованіе Екатерины II.

Отецъ мой, Василій (Яковлевичъ) Чичаговъ родился въ честной, но небогатой семьѣ. Употребляю слово „честная“, отдавая ему преимущество предъ словами „благородная“, или дво-

рянская“ семья, по той причинѣ, что смыслъ слова—„честный“ — одинъ и тотъ-же во всѣхъ странахъ и во всѣ времена, а „благородный“ или „дворянскій“,—слова, которыми я могъ-бы его замѣнить, не имѣетъ въ Россіи никакого опредѣленнаго значенія; прежде всего потому, что первое его условіе, которое есть истинное благородство чувствъ, не совмѣстно съ рабствомъ. Затѣмъ, потому, что въ Россіи не имѣютъ никакого понятія объ истинныхъ общественныхъ іерархіяхъ. Слово „благородный“ въ каждой странѣ имѣетъ относительный смыслъ. Визирь, напримѣръ, особа очень благородная въ глазахъ турка, которому онъ можетъ снести голову съ плечъ малѣйшимъ кивкомъ своей собственной; китайскій мандаринъ, — получающій, и самъ дающій, ни мало не возмущаясь, удары бамбуковой тростью,—очень благородная особа въ своей многолюдной и обширной имперіи, но и тотъ, и другой казались-бы весьма неблагородными въ Англіи. Сужденія объ этомъ весьма различны у всѣхъ народовъ и, въ особенности, у народовъ современныхъ, которые, вслѣдствіе привычки спорить обо всемъ, не соглашаются болѣе ни въ чемъ, и все время свое проводятъ въ постановкѣ вопросовъ. Наконецъ, это слово, если дѣйствительно имѣетъ какой либо смыслъ, то повсюду ему придаютъ различное значеніе и весьма рѣдко ясный смыслъ, или истинную цѣну. Но такъ какъ теперь мы говоримъ о моемъ отечествѣ, то не безполезно нѣсколько подробнѣе сказать о томъ, какія понятія о благородствѣ имѣются въ этой странѣ.

Довольно необыкновенно то, что у насъ вообще такъ мало обращаютъ вниманія на значеніе этого слова. Во Франціи каждый дворянинъ можетъ, по своему произволу, принять титулъ маркиза, или графа. Правъ на это, впрочемъ, по настоящему нѣтъ; однако-же я знаю много примѣровъ подобнаго злоупотребленія, или своего рода своеволія, на которое не обращаютъ вниманія. У насъ подраздѣленія общества, вмѣсто того, чтобы состоять изъ различныхъ іерархій, опредѣленныхъ достоинствами и титулами, состоятъ лишь изъ отличій, привиллегій, преимуществъ, даваемыхъ чиномъ, но отнюдь не достоинствомъ. Это совершенная противуположность тому, что существуетъ въ другихъ странахъ. Военный чинъ—единственное мѣрило уваженія, должнаго какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ. Въ Россіи непо-

нятны были-бы титулы: тайнаго или надворнаго совѣтника, которые наше правительство заимствовало у иноземцевъ, исказивъ ихъ смыслъ и отнявъ у нихъ ихъ истинное значеніе; точно также саны: епископа, архіепископа, степень доктора, званіе статсъ-дамы, или фрейлины — были-бы непонятны, если-бы каждый изъ этихъ титуловъ по русской чиновной лѣстницѣ не соотвѣтствовалъ чинамъ: генерала, полковника, маіора и т. д.

Со временъ Петра I до Петра III, всѣ русскіе, безъ всякаго изъятія, равно подлежали самымъ позорнымъ наказаніямъ и самымъ произвольнымъ насиліямъ, которымъ когда либо обрекалось на жертву бѣдное человѣчество. Доходило до того, что такъ называемые русскіе вельможи, давая аудіенцію, въ особенности иностранцамъ, обыкновенно старались принимать ихъ во время туалета, когда они смѣняли сорочки; дабы тѣ видѣли, что на плечахъ знатнаго барина не было никакихъ рубцовъ отъ тѣлеснаго наказанія. Столь презрѣнное положеніе продолжалось до воцаренія Петра III, который впервые даровалъ дворянству указъ объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній съ предоставленіемъ дворянамъ другихъ преимуществъ, какъ-то: свободы поступать на службу, или выходить въ отставку, выѣзжать за границу, путешествовать, даже служить иностраннымъ государямъ. Эти преимущества, въ равной степени дѣлавшія честь государю и приносившія пользу народу, развивая въ немъ сознаніе особыхъ правъ, ему дарованныхъ, имѣвшихъ цѣлію приблизить его къ правленію монархическому, должны были впослѣдствіи превратить эти привилегіи въ права родовыя. Прибавимъ къ сему, что этотъ государь упразднилъ гнусную тайную канцелярію, въ которой подвергали пыткамъ людей, туда приводимыхъ. Это единственныя черты добродѣтелей человѣческихъ въ біографіи этого царя, единственныя дающія этому императору права на признательность русскаго дворянства. До Петра III, какъ и по нынѣ, единственное отличительное преимущество этого класса состояло въ предоставленномъ ему правѣ покупать и продавать себѣ подобныхъ. Чтобы заниматься этой отвратительной торговлей достаточно имѣть маіорскій чинъ, получаемый всего чаще интригами и низкопоклонничествомъ. Извѣстно, что лакеи, повара, камердинеры были, такимъ образомъ, возводимы въ дворянское достоинство, благодаря покровительству и влія-

нію своихъ господъ. Вышедшіе изъ подонковъ черни, эти темные люди тотчасъ-же вступали въ пользованіе правами торговать своими вчерашними собратьями. Они ведутъ ихъ на торжище, переселяютъ, обмѣниваютъ; однимъ словомъ, производятъ торгъ бѣлыми рабами, который еще гнуснѣе торга неграми. Что-же касается до нихъ лично, они отъ того вовсе не дѣлаются свободнѣе; это новое обогащеніе ихъ порабощаетъ, привязываетъ и дѣлаетъ отвѣтственными за своихъ рабовъ.

Подобное дворянство, ведущее свое началю лишь отъ гражданскихъ или военныхъ чиновъ, различно заслуженныхъ, не составляетъ іерархіи и не занимаетъ никакой ступени въ обществѣ. Но хотя это дворянство и ничтожно по своему происхожденію, по своей организаціи, — ничтожно по отсутствію какого либо вліянія на дѣла государственныя, безсильно, чтобы дѣлать добро,— оно, по природнымъ своимъ свойствамъ, еще сохраняетъ много силы, чтобы дѣлать зло.

У насъ этотъ классъ общества состоитъ: во первыхъ — изъ весьма большаго числа помѣщиковъ, живущихъ внутри имперіи, въ полнѣйшемъ невѣжествѣ. Во вторыхъ:—изъ большей или меньшей части людей, но все-же мало просвѣщенной, которая не видитъ и не понимаетъ въ жизни инаго занятія, кромѣ взвѣшиванія личныхъ своихъ интересовъ, которые она ставитъ выше всякихъ иныхъ соображеній и нравственныхъ выгодъ народовъ свободныхъ, для нея не понятныхъ. Въ третьихъ — изъ весьма малаго числа людей, которые по ихъ природнымъ способностямъ или по познаніямъ, пріобрѣтеннымъ воспитаніемъ и путешествіями, получили здравыя понятія — о правахъ человѣчества и о благахъ, изъ того истекающихъ; но эти люди не смѣютъ ни выражать, ни сообщать своихъ идей, ни размѣниваться ими, и держатся въ тиши и вдали.

Въ виду таковаго положенія вещей, въ виду того, что старинные титулы: боярина, князя и др., были уничтожены Петромъ I, а новые не имѣли никакого значенія въ глазахъ Европы и даже нѣкоторыхъ русскихъ, — Екатерина II не желала ихъ размножать; но когда ей представлялся случай вознаграждать заслуги пожалованіемъ какихъ-либо титуловъ своимъ подданнымъ, она спрашивала на нихъ грамоты у императора германскаго (австрійскаго). Вводя, такимъ образомъ, своихъ дворянъ въ іерар-

хію римской имперіи, она придавала имъ истинное достоинство. Впослѣдствіи ея преемникъ, Павелъ I, все переиначилъ и создавалъ бароновъ, графовъ и князей на свой ладъ. Его брадобрѣй попалъ въ графы и былъ не послѣднимъ изъ разряда людей, вознесенныхъ на высшія должности. Замѣчено, что въ теченіе всѣхъ тридцати четырехъ лѣтъ царствованія Екатерины, въ княжеское достоинство было возведено менѣе людей, нежели въ день коронаціи одного изъ ея преемниковъ. Она возвела въ это достоинство лишь Григорія Орлова, Потемкина и Зубова, которые, всѣ трое, не имѣли потомства.'

Грязнѣйшее гнѣздо рабства находится въ такъ-называемомъ русскомъ дворянствѣ. Конституціонно въ бѣдномъ моемъ отечествѣ одно лишь крѣпостничество, потому что это единственное состояніе, согласующееся съ естественными наклонностями этой націи, коимъ дворянство служитъ истинною порукою. Въ мое время дворянство уже начинаетъ просвѣщаться; нѣкоторыя лица— отваживаются на борьбу съ крѣпостничествомъ; но эти примѣры единичные, и силы ихъ не скоро будутъ соединены нравственными началами. Скольких я знавалъ, изъ этихъ высокомѣрныхъ дворянъ, которые при Екатеринѣ ничѣмъ не были довольны, считали себя не достаточно свободными, то и дѣло роптали на правительство, а при Павлѣ—только дрожали. То надмѣнные и дерзкіе, то подлые и трусливые, они были всегда невѣжественны и раболѣпны.

— „Крестьяне платятъ оброкъ", говорятъ они, — „держатъ себя смирно и покорно, вотъ все, что намъ нужно. Что намъ за дѣло до всего прочаго и до нихъ самихъ". Таковъ духъ, которымъ живетъ дворянство моего любезнаго отечества. Склонность къ раболѣпству, свойственная всему народонаселенію, гораздо болѣе развита въ господахъ, въ соразмѣрности ихъ интересовъ, нежели въ крѣпостныхъ, интересы которыхъ имъ противуположны. У другихъ народовъ просвѣщеніе нисходитъ свыше, распространяется въ верхнихъ слояхъ общества, которымъ нѣтъ выгоды угнетать низшіе классы и которые стараются просвѣщать ихъ относительно выгодъ всеобщихъ [1]).

[1]) Между записками П. В. Чичагова нами былъ найденъ особый листокъ, касавшійся вопроса о крѣпостничествѣ, который будетъ кстати здѣсь привести. Онъ пишетъ: „Обычныя понятія были таковы, что дворянинъ, имѣвшій

Бьюсь объ закладъ, что не ранѣе пятидесяти лѣтъ (какъ это еще долго!) крѣпостные будутъ свободны; но что будетъ тогда дѣлать наше кичливое дворянство? Увы, у него не хватитъ достаточно нравственной силы, чтобы удержаться отъ этого паденія, и оно останется въ рабствѣ, но на этотъ разъ какъ послѣдствіи бѣдности и традиціональнаго невѣжества [1]).

По всѣмъ этимъ причинамъ я предпочелъ указать на мое происхожденіе отъ семьи честной, одаренной благородствомъ чувствъ, чему отецъ мой далъ столько доказательствъ, какъ увидимъ впослѣдствіи. Впрочемъ, въ формахъ полученія дворянскаго достоинства и въ грамотахъ у него не было недостатка. Такъ какъ отецъ мой не имѣлъ герба, то императрица Екатерина сама сочинила ему таковой, заключающій въ себѣ эмблематическое сказаніе объ услугахъ, оказанныхъ имъ государству.

Теперь, чтобы возвратиться къ главному предмету моего разсказа, скажу, что родители отца моего, по недостаточности состоянія, оставили ему въ единственное наслѣдство душъ тридцать, лѣнивыхъ и непроизводительныхъ крестьянъ, съ нѣсколькими полями въ окрестностяхъ Костромы. Отъ этого всего отецъ мой никогда не получалъ никакого дохода, такъ что жилъ лишь на скромное свое жалованье.

Воспитаніе свое онъ получилъ въ морскомъ училищѣ („школа навигацкихъ наукъ“), учрежденномъ Петромъ I въ Москвѣ, въ

право, по своему произволу, располагать своими крестьянами, даря ихъ кому угодно, не могъ распорядиться — своимъ соколомъ и не имѣлъ права уступить его кому-либо.

„При императорѣ Александрѣ я пустилъ на выкупъ своихъ крестьянъ, ради ихъ освобожденія; за каждую душу мужскаго пола, кромѣ женщинъ, мнѣ выдали по 150 рублей. Цѣна была назначена самимъ правительствомъ. Желая въ то-же время избавиться отъ конскаго завода, устроеннаго въ моемъ имѣніи, я продалъ старыхъ англійскихъ матокъ за триста, четыреста рублей каждую, т. е. болѣе, нежели вдвое, противъ стоимости людей“.

Къ этой-же главѣ записокъ принадлежатъ нѣсколько отдѣльныхъ дополнительныхъ листовъ — о природныхъ склонностяхъ европейскихъ народовъ, которые мы помѣстили въ приложеніи № 1. Л. Ч.

[1]) Какъ было сказано въ предисловіи,—адмиралъ П. В. Чичаговъ началъ писать свои Записки въ 1815 году. Нельзя не удивиться столь знаменательному предсказанію его, доказывающему насколько онъ глубоко зналъ свою родину и понималъ своихъ соотечественниковъ. Надо было истинно любить отечество, чтобы изучить его столь основательно. Л. Ч.

старой Сухаревой башнѣ, немного высоко и далеко отъ моря. Онъ разсказывалъ мнѣ, что тамошніе учителя были люди до того невѣжественные и огрубѣлые, что они преподавали неважные свои уроки лишь тѣмъ изъ воспитанниковъ, которые приносили имъ нѣсколько грошей или пироговъ. Однако-же одинъ изъ учителей, Магницкій [1]), слылъ за великаго математика и зналъ алгебру до уравненій второй степени. Онъ издалъ даже, отпечатанное славянскимъ шрифтомъ, сочиненіе въ листъ, бывшее у меня въ рукахъ, въ которомъ заключались: ариѳметика, геометрія, тригонометрія и начатки алгебры [2]). Вслѣдствіе этого, книгу признавали за образецъ учености. Тутъ-то отецъ мой почерпнулъ свои познанія. Но мнѣ кажется, что природа, одарившая его свойствами частнаго человѣка, выдѣлила ему великую способность къ должности, которую случай заставилъ его избрать, ибо, не смотря на недостатокъ въ практикѣ русскихъ моряковъ, онъ оказалъ успѣхи, замѣченные сначала его товарищами, а впослѣдствіи и правительствомъ. Поэтому-то императрица, намѣревавшаяся въ началѣ своего царствованія снарядить экспедицію къ сѣверному полюсу для открытій, и возложила на него начальствованіе надъ нею.

До назначенія его въ эту экспедицію въ 1765 году, съ моимъ отцомъ ничего особенно замѣчательнаго не случилось. Онъ жилъ, главнымъ образомъ, въ портахъ Кронштадта и Архангельска.

---

[1]) Магницкій, Леонтій Филипповичъ (р. 1669 г., † 1739 г.), авторъ первой ариѳметики, напечатанной гражданскими буквами съ арабскою цифирью, вмѣсто старинныхъ славянскихъ цифирныхъ знаковъ. Одни біографы приписываютъ честь этого послѣдняго нововведенія Магницкому; другіе—приглашенному на русскую службу англійскому офицеру Фергюсону, или даже и самому Петру Великому. Манштейнъ въ своихъ Запискахъ (дополненіе) упоминаетъ объ учрежденной Петромъ I въ Петербургѣ морской академіи, подъ руководствомъ двухъ англичанъ: Фергюсона (у Голикова: Фергарсонъ) и Брадлея. Л. Ч.

[2]) Эта ариѳметика, нынѣ драгоцѣнная библіографическая рѣдкость, была издана въ Москвѣ, въ 1703 году. Упоминая о ней въ своихъ Запискахъ (подъ 27 ноября 1764 г.), Порошинъ приводитъ стихи изъ ея предисловія:

„О, любезнѣйшій прочитатель,
Буди о Христѣ ты снискатель,
Да наукой сей будешь добре почтенъ
И ко ученымъ людямъ въ совѣтъ причтенъ“.

Л. Ч.

Флотъ, какъ-бы въ доказательство своей безполезности, оставался въ полнѣйшемъ бездѣйствіи послѣ смерти Петра I. Лишь въ царствованіе императрицы Елисаветы, вовлеченной въ семи-лѣтнюю войну, флотъ былъ посланъ къ берегамъ Пруссіи. Но главный пунктъ нападенія, Кольбергъ, былъ вскорѣ занятъ сухопутными силами генерала Румянцева и эскадра возвратилась въ Кронштадтъ. Отецъ мой, участвовавшій въ этой кампаніи, былъ всегда назначаемъ, когда дѣло шло о порученіи серьезномъ, въ особенности же когда требовались отъ исполнителя способности, безпристрастіе и осторожность. Начальникъ его, адмиралъ Полянскій, далъ ему прозвище: „честнаго человѣка“ („homme d'honneur“).

Въ 1765 году, отецъ мой, будучи сорока лѣтъ, женился на вдовѣ капитана императорскаго флота и дочери нѣмецкаго инженернаго офицера, переселившагося въ Россію. Она была одарена многими прекрасными качествами и всегда отличалась здравомысліемъ, отмѣнною вѣрностью сужденія и материнскою нѣжностью.

Приложенія къ запискамъ адмирала П. В. Чичагова.

Къ главѣ I.

№ 1.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЕВРОПЕЙСКИХЪ НАРОДОВЪ.

Въ каждомъ народѣ надобно наблюдать и изучать природныя склонности людей. Онѣ зависятъ отъ ихъ организаціи и обнаруживаются стремленіями и чувствами, свойственными большинству каждаго народа. По физіологіи онѣ суть слѣдствіе существованія и высшаго развитія одного изъ органовъ мозга; но на практикѣ, не восходя къ началу и первобытной причинѣ, достаточно видно, что эти преобладающія склонности находятся у каждой націи, хотя у каждой-же онѣ различныя или измѣненныя. Такъ можно сказать, что національное чувство англичанъ всегда клонится къ тому, что хорошо—и слѣдовательно: положительно, существенно и полезно. Отсюда истекаютъ ихъ положительныя познанія въ философіи, столь дѣятельно способствовавшей распространенію истиннаго просвѣщенія; оно произвело Ньютоновъ, Бэконовъ, Локковъ; великихъ писателей, великихъ государственныхъ мужей, великихъ военныхъ людей; истинно великихъ, достойныхъ уваженія и удивленія, потому что способности ихъ стремились единственно къ добру и добродѣтели, и дарованія ихъ были изощряемы и примѣняемы къ тому, что вообще было благотворно и полезно націи. Такъ можно было замѣтить, что во всѣхъ классахъ этого народа, каждый, въ свою очередь, всегда обнаруживалъ эту общую склонность желать хорошаго, ибо я называю общенародною склонностью—всякую склонность, свойственную большинству народа. А такъ какъ, по ихъ мнѣнію, ничего нѣтъ лучше свободы, то и эта склонность у англичанъ была первымъ зачаткомъ ихъ духа независимости, продукты котораго суть ихъ конституція и либеральныя законоположенія.

Общая склонность италіянцевъ, напримѣръ, заключается въ любви къ прекрасному, что можетъ быть въ то-же время и хорошо; но это не есть склонность преобладающая, ибо прекрасное не всегда хорошо, и хорошее—не всегда прекрасно. И что-же! Итальянецъ, прежде всего, ищетъ прекраснаго, а римляне, при своихъ завоеваніяхъ, всегда и повсюду брали, уносили и переносили къ себѣ произведенія искусствъ и вообще все прекрасное, подлежащее переноскѣ, и даже впослѣдствіи, при смѣшеніи и скрещеніи племенъ, когда они утратили воинскія свои наклонности, чувство прекраснаго осталось преобладающимъ и оно породило: великихъ поэтовъ, архитекторовъ, ваятелей, живописцевъ, музыкантовъ, наконецъ—общую склонность, вкусъ и страсть къ изящнымъ искусствамъ, которыя были доведены ими до высокой степени. Если итальянцы когда либо будутъ имѣть власть дать себѣ конституцію, я думаю, что она будетъ переложена на партитуру, будетъ подчинена прекрасному и одушевлена тѣмъ, что прекрасно. Первые поэты, первые художники, быть можетъ первыя красавицы,—сдѣлаются у нихъ величайшими государственными людьми.

Возьмемъ французовъ: для нихъ ни хорошее, ни прекрасное не составляютъ такой существенной необходимости; у нихъ преобладаетъ чувство болѣе легкое. Ихъ можетъ очаровать лишь миловидное, и большинство французовъ одарено этою преобладающею склонностью.

Предложите имъ что либо, будь это изобрѣтеніе какого нибудь удобства частнаго быта, или полезное вообще, и если о томъ можно сказать: это не красиво, не миловидно, то можете быть увѣрены въ отказѣ. Отсюда проистекаетъ вкусъ и совершенство въ издѣліяхъ промышленныхъ, произведеніяхъ художественныхъ и бездѣлушкахъ роскоши. Никто не превосходитъ французовъ въ выдумкахъ модъ, которыя не удерживаются; въ издѣліяхъ бронзъ, безпрестанно измѣняемыхъ; въ изготовленіи стѣнныхъ и столовыхъ часовъ, которыя не ходятъ; наконецъ во всемъ, что миловидно, но при этомъ, все равно, худо оно или хорошо. Французы—люди удовольствій, потому что зародышъ основнаго въ нихъ чувства, стремленія къ миловидному, облегчаетъ доступъ къ удовольствіямъ и размножаетъ ихъ. Легче найти у нихъ женщинъ миленькихъ, нежели женщинъ прекрасныхъ. Поэтому-то превосходнѣйшія литературныя произведенія французовъ—плоды воображенія и ума, основанные на обманчивыхъ мечтаніяхъ и грезахъ. Ихъ вѣчныя утопіи, ихъ безконечные и безплодные споры и та легкость, съ которою они довольствуются плохими доводами, и среди всего этого ихъ плутоватость,—достаточны, чтобы доказать ихъ врожденное легкомысліе. Изъ всего возбуждая вопросъ, всегда отыскивая и желая невозможнаго, или мало сообразнаго съ духомъ ихъ націи, они упускаютъ изъ виду, не берегутъ, или даже не умѣютъ себѣ дать то, что имъ необходимо и для удобствъ жизни, и для истиннаго, разумнаго счастія. Ихъ философія только тогда и сносна, когда она заимствована, или есть подражаніе другимъ философіямъ.

Затѣмъ, основная, врожденная склонность нѣмцевъ,—влеченіе къ высокому, не изъемлющему ни доброты, ни добродѣтелей; отсюда — ихъ вѣрность своему правительству; гостепріимство и взаимная привязанность между ними и ихъ семьями; благосклонность къ иностранцамъ. Они знаютъ, что благо часто бываетъ вещественное; высокое почти всегда воображаемое, поэтому-то они и не примѣшиваютъ никогда своей метафизики къ дѣламъ житейскимъ, а слѣдовательно — и къ дѣламъ государственнымъ. У нихъ есть философы и писатели, въ область дѣятельности которыхъ отдана метафизика. Канты и Гёте были ея главами; на другихъ писателей была возложена обязанность учить народъ познанію истиннаго блага и доставленію себѣ истиннаго счастья. Поэтому-то я думаю, что эта нація счастливѣйшая въ мірѣ, ибо въ ней каждый, какъ сказалъ Вольтеръ, знаетъ точную мѣру въ идеяхъ, допускаемую его состояніемъ. Она довѣряетъ добродѣтелямъ своихъ начальниковъ, а они довольствуются умѣренными средствами, соотвѣтствующими ихъ положенію. Ихъ не тревожатъ ни корысть, ни домогательство высшихъ мѣстъ. Эта нація посвящаетъ свои досуги созерцанію, размышленіямъ и мечтаніямъ своихъ темныхъ и непостижимыхъ философовъ. Она желаетъ улучшеній, столь давно обѣщаемыхъ роду человѣческому успѣхами просвѣщенія, и ждетъ благопріятной минуты, чтобы извлечь изъ нихъ свою выгоду, не забѣгая впередъ естественнаго хода событій.

Наконецъ, какая-же есть основная, природная склонность у насъ, русскихъ?

Что я долженъ сказать: могу-ли я быть одинаковаго мнѣнія съ иностран-

ными писателями и повторять ихъ умозаключенія? Конечно, нѣтъ. Сравнивать Россію съ другими странами, особенно въ XVIII вѣкѣ, значило-бы не знать ея исторіи, не понимать ни себя самого, ни своихъ ближнихъ и наносить удары истерзанному тѣлу жертвъ самовластія и тираніи, т. е. бить потому, что, вслѣдствіе недуга психическаго, голова ихъ не работаетъ. Я уже сказалъ чѣмъ было русское дворянство при Петрѣ I. Чего-же ждать отъ подобнаго положенія дѣлъ? Мы видимъ каково его вліяніе даже на цивилизованные кабинеты, съ того времени, какъ Россія вступила въ нихъ безъ всякаго исключенія, кромѣ только Голландіи, король которой былъ единственнымъ изъ государей, не поддавшійся страху всѣхъ другихъ. Принимая за исходную точку эту естественную склонность русскихъ, — раболѣпство, какихъ-же можно отъ него ожидать послѣдствій? Бояться можно только чего нибудь, а здѣсь — боязнь взаимная: крѣпостные боятся своихъ господъ; господа—своихъ крѣпостныхъ; страхъ обоюдный. Понятно, что при подобномъ смѣшеніи людей, связанныхъ такимъ образомъ, можетъ быть лишь очень мало, или даже и вовсе не быть нравственной силы. Такъ; но это мнѣніе ошибочно. У дворлянства нѣтъ большой нравственной силы, но въ русскомъ народѣ, переносящемъ иго самовластія въ теченіе вѣковъ, никогда не оскудѣетъ его примѣрная сила, заслуживающая удивленія иноземцевъ.

Увы, не увижу я собственными моими глазами мое отечество счастливымъ и свободнымъ, но оно таковымъ будетъ непремѣнно и весь міръ удивится той быстротѣ, съ которою оно двинется впередъ. Россія — имперія обширная, но не великая, у насъ недостаточно даже воздуха для дыханія. Но, однажды, когда нравственная сила этого народа возьметъ верхъ надъ грубымъ, пристыженнымъ произволомъ, тогда его влеченіе будетъ къ высокому, не изъемлющему ни добраго, ни прекраснаго, ни добродѣтели. По основному чувству сословія дворянскаго, оно, своимъ невѣжествомъ, отупѣніемъ и гнуснымъ своекорыстіемъ,—можетъ способствовать лишь поддержанію крѣпостнаго права; мы видимъ, что оно противится распространенію просвѣщенія, цивилизаціи и освобожденію рабовъ. На эту естественную склонность дворянскаго сословія можно смотрѣть какъ на силу непобѣдимую, непреодолимую и противную всякому порядку вещей. Дворянство въ Россіи—партія совершенно противуположная всему, чего когда либо это сословіе было представителемъ въ другихъ странахъ. Повсемѣстно дворянство есть почетнѣйшее украшеніе, присвоиваемое славою заслуженною, добродѣтелями, дарованіями и великими свойствами; трогательныя, великодушныя и разумныя проявленія народной признательности, которая привязываетъ соотчичей къ достойнымъ потомкамъ героевъ и великихъ людей,—установленіе удивительное, которому если слѣдовать и если его развивать съ благоразуміемъ, то можетъ повлечь за собою самыя спасительныя и почетныя послѣдствія для всего общества.

ГЛАВА II.

Мое появленіе на Божій свѣтъ.—Положеніе моего отца и вообще военныхъ въ Россіи.—Кадетскіе корпуса.—Мой характеръ въ дѣтствѣ и окружавшія меня лица.—Теорія равенства.—Оспа.—Мой гороскопъ.

Въ 1767 году, 27 іюня, я узрѣлъ свѣтъ. Могу употребить это фигуральное выраженіе, ибо это было въ царствованіе императрицы Екатерины. Ея правленіе, умѣряемое мудростью ея либеральнаго генія, заставляло забывать прошедшее и ослѣпляло взгляды на будущее. Я жилъ счастливо, и самъ, и мои родные, во все продолженіе ея царствованія.

Родители мои жили въ Коломнѣ. Отецъ, въ это время имѣвшій званіе морскаго капитана, долженъ былъ предпочесть эту часть города, самую болотистую изъ петербургскихъ топей, вслѣдствіе дешевизны, соотвѣтствовавшей его средствамъ къ существованію.

Содержаніе военныхъ въ Россіи вообще очень недостаточно, и это одна изъ причинъ, заставляющая нѣкоторыхъ заниматься взяточничествомъ, въ продолженіе почти всей службы, за неимѣніемъ собственныхъ своихъ средствъ. Недостаточность ихъ особенно присуща русскимъ морякамъ и вотъ главная тому причина. Въ Петербургѣ существоваво тогда много заведеній, предназначенныхъ для воспитанія юношества. Ихъ называли кадетскими корпусами. Между ними одинъ былъ для молодыхъ людей, готовившихся поступить въ пѣхоту, или кавалерію; другой для артиллеристовъ и инженеровъ, были еще корпуса — Морской и Горный. Въ нихъ принимали лишь дѣтей изъ дворянъ. Для разночинцевъ были другія заведенія, посвященныя наукамъ, кандидатурѣ и академіи, то есть тѣ, въ которыхъ воспитывали ученыхъ,—званіе, несовмѣстное, по тогдашнимъ понятіямъ, съ дворянскимъ достоинствомъ.

Въ Россіи были того-же образа мыслей, котораго придерживался братъ Декарта, говорившій, что недостойно брату парламентскаго совѣтника унижаться до того, чтобы быть математикомъ.

Болѣе состоятельные родители старались опредѣлять своихъ дѣтей въ первый или во второй корпусъ, открывавшіе имъ лучшую

карьеру, тогда какъ бѣднѣйшіе записывали своихъ дѣтей въ Морской корпусъ, требовавшій менѣе расходовъ впослѣдствіи.

Русскій флотъ, созданный умомъ Петра I, могъ существовать только имъ однимъ. Такъ какъ онъ ни въ духѣ народномъ, ни вызванъ потребностями государства, ни въ духѣ русскаго правительства, то на него не смотрятъ какъ на необходимое условіе для благостоянія или безопасности Имперіи, и онъ есть обременительная роскошь подражанія, зависящая отъ доброй воли государей.

Жертвы и лишенія, которымъ подвергаются поступающіе въ морскую службу, не получаютъ соразмѣрнаго вознагражденія. Поэтому-то люди поблагоразумнѣе кончаютъ тѣмъ, что, замѣчая это, отвращаются отъ своего ремесла и бросаютъ его при первой возможности пристроиться куда-нибудь получше. Изъ этого слѣдуетъ, что на службѣ остаются лишь люди бѣдные, или недальновидные. Заточенные, впрочемъ, бо́льшую часть времени, въ морскихъ портахъ, моряки рѣдко показываются въ столицѣ и, такимъ образомъ, менѣе подвергаются раззорительнымъ искушеніямъ большихъ городовъ. Однажды, ради забавы, вздумали подвести общій итогъ окладовъ русскихъ моряковъ, и оказалось, что онъ не совсѣмъ достигаетъ итога содержанія одной роты гвардіи императрицы Екатерины. Съ тѣхъ поръ эта разница поуменьшилась; но вовсе не потому, чтобы моряки стали богаче.

Должно также признаться, что другіе кадетскіе корпуса, въ это время, были устроены гораздо лучше Морскаго, въ особенности корпусъ (Шляхетный) для сухопутныхъ войскъ. Воспитаніе въ немъ было столь-же тщательное и совершенное, насколько оно возможно въ какой-бы то ни было странѣ. Тамъ обучали многимъ языкамъ, всѣмъ наукамъ, образующимъ умъ; тамъ занимались упражненіями, поддерживающими здоровье и тѣлесную силу: верховой ѣздой и гимнастикой; домашніе спектакли были допущены въ видѣ развлеченія и забавы. Въ подтвержденіе сказаннаго мною о большинствѣ молодыхъ людей, выходившихъ изъ этихъ училищъ, достаточно указать на то, что фельдмаршалъ Румянцевъ, въ одну изъ турецкихъ кампаній, попросилъ у императрицы Екатерины нѣсколькихъ офицеровъ для укомплектованія своей арміи. Она прислала ему двѣнадцать человѣкъ, только что выпущенныхъ изъ Перваго кадетскаго корпуса.

Фельдмаршалъ, поразспросивъ ихъ и поговоривъ съ ними, остался ими такъ доволенъ и до того былъ удивленъ ихъ образованіемъ, что написалъ императрицѣ, благодаря ее за присылку двѣнадцати фельдмаршаловъ, вмѣсто просимыхъ имъ двѣнадцати поручиковъ. Съ тѣхъ поръ эти заведенія были превращены, такъ сказать, въ казармы. Онѣ не только не образуютъ фельдмаршаловъ, но даже и поручиковъ; самое большее, что изъ нихъ выходятъ капралы и барабанщики.

Итакъ, въ видахъ экономіи, родители мои были принуждены жить въ Коломнѣ. Я былъ, повидимому, одаренъ нѣкоторою живостью характера, вслѣдствіе которой было со мною множество всякихъ случайностей, къ счастію не имѣвшихъ для меня вредныхъ послѣдствій. Родители мои, разумѣется, ничѣмъ не пренебрегали, ничего не щадили для моего воспитанія; къ несчастію, образованіе-то у насъ не только не всякому доступно, но даже и то, которое можно получить съ великими издержками, почти всегда находится въ рукахъ нѣсколькихъ иностранныхъ проходимцевъ, ловко умѣющихъ увѣрять, что они люди съ талантами, хотя всего чаще дать таковыхъ они не способны.

Чтобы, не опережая событій, возвратиться къ моему дѣтству, скажу, что, когда я явился на свѣтъ, прекрасная система Жанъ Жака Руссо, многія правила которой были заимствованы у дикарей, еще не была извѣстна въ Россіи и матери не считали себя обязанными, вопреки естественнымъ или по какимъ-либо другимъ затрудненіямъ, кормить своихъ дѣтей собственною грудью. Было въ обыкновеніи брать въ домъ кормилицу. То-же сдѣлали и мои родители, и я былъ настолько счастливъ, что женщина, которой меня ввѣрили, была одарена не только всѣми качествами, требуемыми отъ хорошей кормилицы, какъ-то: молодостью, здоровьемъ, обиліемъ молока, ровностью расположенія духа, добротою и кротостью характера, но принадлежала къ семейству выше того класса, къ которому, повидимому, была причислена. Братъ ея, воспитанный въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда принимаются лишь дворяне, достигъ постепенно чина вице-адмирала за свою службу и званія сенатора за свою дряхлость.

Ибо, говоря безпристрастно, если во Франціи, со времени представительнаго правленія, воображаютъ, что нашли новый способъ избавляться отъ министровъ, ни на что не пригодныхъ,

засаживая ихъ въ палату пэровъ, то гораздо ранѣе этого, въ Россіи, людей безполезныхъ сажали въ сенатъ. Если во Франціи этимъ способомъ подкрѣпляютъ оппозицію, съ которой стараются бороться, и если правительство само создаетъ себѣ затрудненія съ такимъ тщаніемъ и великими издержками,—то въ Россіи дѣйствовали разумнѣе.

Когда я былъ на рукахъ кормилицы, со мною, вѣроятно, случалось все то-же, что и со всѣми дѣтьми — и царей, и простолюдиновъ,—множество разныхъ разностей, о которыхъ говорить не стоитъ. Однако-же это появленіе человѣка на свѣтъ дало мѣсто одной изъ величайшихъ идеалогическихъ нелѣпостей, когда либо заявленныхъ разумомъ человѣческимъ, которая ослѣпила стольвихъ философовъ и законодателей, служила и служитъ еще основою системъ правительствъ и многихъ конституцій; говорю о народной пословицѣ: всѣ люди родятся равные. Да, безъ сомнѣнія, равные тѣмъ, что всѣ они родятся безсильные тѣломъ и слабые умомъ; тѣмъ, что почти всѣ подвержены одинаковымъ страданіямъ и смерти,—но единственно только въ этомъ и заключается это равенство.

Если принять на самомъ дѣлѣ это равенство за основу конституцій, таковыя, безъ сомнѣнія, могли-бы быть примѣнены къ несовершенству человѣческой природы, лучше тѣхъ, которыя основаны на равенствѣ химерическомъ. Но, предполагая даже, что всѣ люди родятся равными передъ закономъ, который такъ, сказать, созданъ, напротивъ, на то, чтобы поддерживать неравенство сословій, надобно было-бы еще изъять изъ него тѣхъ, которые родятся въ странахъ, не имѣющихъ законовъ, а таковыхъ было-бы девять десятыхъ на всемъ земномъ шарѣ. Другіе, оказавшіеся равными передъ дурными законами, которые таковыми бываютъ въ большинствѣ случаевъ, не особенно-бы отъ того выиграли.

Итакъ, безсиліе и слабоуміе при рожденіи и смерть въ концѣ суть три пункта равенства дѣйствительнаго, общаго всѣмъ людямъ, которые уже впослѣдствіи различествуютъ между собою во всемъ прочемъ, — чертами лица, ростомъ, цвѣтомъ кожи, здоровьемъ, довольствомъ, склонностями, дарованіями и проч., и проч. Оказывается, что это равенство передъ закономъ не что иное какъ одно изъ тысячи условій, связанныхъ не съ появленіемъ человѣка на свѣтъ, но съ искусственнымъ и общественнымъ по-

ложеніемъ человѣка. Дѣйствительно, что сказали-бы о естествоиспытателѣ, который доказывалъ-бы, что всѣ деревья равны, потому что у нихъ есть нѣкоторыя общія свойства, какъ напр. давать ростокъ, прозябать, покрываться зелеными листьями и оканчивать гніеніемъ; потому, что они въ равной степени подвержены дѣйствію солнца, которое ихъ холитъ, согрѣваетъ, а иногда пожигаетъ и уничтожаетъ,—подобно тому какъ люди подчинены вліянію закона. Если-бы на подобныхъ мечтаніяхъ вздумали основывать искусство ухода за растеніями, какой-бы получился курсъ лѣсоводства? Безъ сомнѣнія—подобный конституціямъ, которыя хотятъ давать всѣмъ людямъ, не обращая вниманія на разнообразіе ихъ натуры и способностей, и основаннымъ единственно на ихъ равенствѣ, яко-бы естественномъ.

Писали, что въ самомъ обществѣ, которое есть состояніе болѣе или менѣе искуственное, если вы поставите пэра рядомъ съ негоціантомъ, просвѣщеннаго художника — рядомъ съ невѣжественнымъ дрягилемъ, однимъ словомъ, людей, которыхъ воспитаніе также различно, какъ и ихъ сословіе, то было-бы тщетно всякое стараніе сблизить ихъ путемъ идеальнаго равенства. Напрасны были-бы всякія попытки замкнуть ихъ въ одинъ кругъ; ихъ привычки, мнѣнія, интересы, самые ихъ предразсудки,—извлекали-бы ихъ изъ этого круга. Они чувствовали бы себя до такой степени не на мѣстѣ другъ подлѣ друга, что всѣ ихъ усилія стремились-бы лишь къ ихъ разобщенію. Это мнимое равенство между людьми, не имѣющими ни одинаковаго ума, ни одинаковыхъ понятій, ни даже одинаковаго языка, основывается, слѣдовательно, на заблужденіяхъ, имѣвшихъ, въ большинствѣ случаевъ, дурныя послѣдствія. Примѣры подобной несовмѣстимости особенно часты во Франціи, гдѣ злоупотребляютъ этимъ химерическимъ равенствомъ. Не упоминая о всѣхъ гибельныхъ послѣдствіяхъ, испытанныхъ націею, избравшею слово „равенство“ своимъ лозунгомъ и призывнымъ кличемъ, я приведу нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе сказаннаго мною, чтобы доказать, что это выраженіе, столь часто употребляемое, существуетъ лишь на устахъ тѣхъ, которые его безпрестанно повторяютъ, но отнюдь не въ ихъ чувствахъ.

Въ обществѣ, брачные союзы при неравенствѣ сословій, напримѣръ, менѣе-ли порицаются у этой націи, нежели у другихъ?

Вопреки всѣмъ усиліямъ остроумнѣйшихъ водевилистовъ ввести въ моду неравные браки, на нихъ постоянно смотрятъ какъ на нестерпимое неприличіе. Женится-ли человѣкъ извѣстнаго круга на актрисѣ, или на женщинѣ—ниже своего сословія, какъ-бы она ни была хороша собою, хорошо воспитана, добродѣтельна, умна и безукоризненнаго поведенія, ее никогда не примутъ въ то общество, къ которому принадлежитъ ея мужъ. Женщины, къ какому-бы званію онѣ ни принадлежали, съ величайшимъ отвращеніемъ избѣгаютъ соприкосновенія съ женщинами, которыхъ почитаютъ ниже себя. Сами актрисы, столь нетерпимыя женщинами свѣтскими, точно также относятся и другъ къ дружкѣ; между Французскимъ театромъ (Théâtre Français) и бульварными „канатными плясунами“ (Funambules) разстояніе измѣряется немалымъ чванствомъ и пренебреженіемъ.

Когда я жилъ на моей дачѣ въ Ссо (близь Парижа), — въ этомъ краѣ баловъ и веселья,—я спросилъ однажды у тамошней швейки, такъ-ли онѣ здѣсь веселятся зимою, какъ и лѣтомъ? „Да, сударь“, отвѣчала она — „у насъ бываютъ балы по подпискѣ, на которыхъ мы очень веселимся“. Мой камердинеръ бываетъ на нихъ, кажется? — отвѣтилъ я ей. „Это невозможно, сударь, мы лакеевъ къ себѣ не допускаемъ“.

Однажды, когда я бесѣдовалъ съ графомъ С**, перомъ Франціи, литераторомъ, умѣреннымъ философомъ и человѣкомъ самаго кроткаго нрава, онъ сказалъ мнѣ, перечисляя выгоды равенства: „Дѣло въ томъ, что если вы обидите лавочника, или простолюдина, то вы не можете отказаться отъ дуэли съ нимъ“. „А еще того лучше“, отвѣчалъ я, „что если извощикъ обрызгаетъ меня грязью и я ему скажу что-нибудь нелюбезное, то мнѣ, для его удовлетворенія, придется идти на кулачки“. Таковы прекрасные плоды этого равенства!

Читатели, вѣроятно, помнятъ случай съ Морицемъ Саксонскимъ, когда въ Лондонѣ онъ толкнулъ мусорщика: послѣдній тотчасъ-же засучилъ рукава и хотѣлъ съ нимъ боксировать, но необыкновенная сила маршала дала ему возможность схватить этого честолюбца за воротъ и бросить его стремглавъ въ телѣгу, наполненную нечистотами, на глазахъ зрителей, собравшихся чтобы присутствовать при битвѣ на кулакахъ. Они поспѣшили вытащить мусорщика изъ его стихіи, безъ чего онъ задохся-бы

благодаря удовлетворенію, доставленному по принципу равенства. Но приключеніе было-бы менѣе забавно для всякаго другаго человѣка, рука котораго не была-бы, какъ у Морица Саксонскаго, въ десять разъ сильнѣе руки его противника.

Вотъ чѣмъ закончился мой разговоръ съ вышеупомянутымъ пэромъ Франціи. Не успѣлъ графъ С** прекратить свои похвалы равенству, какъ рѣчь зашла о литературѣ, и въ особенности объ одномъ сочиненіи, недавно вышедшемъ въ свѣтъ. Я спросилъ у графа извѣстно-ли оно ему? — „Еще-бы", отвѣчалъ онъ съ нѣсколько брезгливой гримасой,—„но я его еще не читалъ. Оно написано однимъ молодымъ человѣкомъ, который прислалъ мнѣ экземпляръ съ приложеніемъ записки, — между нами сказать, немножко легкомысленной, въ которой онъ обращается ко мнѣ, какъ писатель къ писателю, забывая, что мнѣ семьдесять лѣтъ, что я пэръ Франціи, что я занималъ первые чины при дворѣ и первыя должности въ дипломатіи. Этотъ господинъ изволитъ обращаться со мною, сказать по правдѣ, съ возмутительною фамильярностью".

Тогда я подумалъ, не говоря ему этого однако-же, „такъ вотъ какъ вамъ дорого это равенство, когда оно затрогиваетъ ваше самолюбіе!" Дѣло въ томъ, что его понимаетъ всякій по своему, но, въ большинствѣ случаевъ, подъ этимъ словомъ скрывается желаніе соблюсти личный интересъ,—чувство, всѣмъ людямъ свойственное. Французское равенство состоитъ также въ томъ, что каждый хочетъ сѣсть тотчасъ-же по приходѣ въ комнату, въ которой принятъ, и въ присутствіи кого-бы то ни было: чѣмъ почтеннѣе тотъ, при комъ принятъ вошедшій, тѣмъ послѣдній наглѣе и тѣмъ скорѣй хочетъ пользоваться своимъ правомъ равенства и развалиться на стулѣ. Вслѣдствіе этого, нынѣшніе французы не только не учтивы, но даже не даютъ и вамъ времени самимъ быть учтивыми съ ними, ибо они уже сидятъ прежде, нежели вы успѣете пригласить ихъ садиться.

Во Франціи, по принципу равенства, барыни провинціальныхъ городовъ: жены префектовъ, мэровъ, нотаріусовъ и друг. не хотятъ ни видѣться, ни знаться съ женами гарнизонныхъ капитановъ, и отдаютъ визиты только тѣмъ, которыя имъ особенно отрекомендованы.

Одна изъ моихъ кухарокъ, долго оставаясь безъ мѣста, была

принуждена принять предложенное ей у портнаго; но она не хотѣла, чтобы знали, что она служитъ въ кухаркахъ у портнаго, хотя находила это мѣсто выгоднымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ клубъ артистовъ не хотятъ допускать ремесленниковъ, какъ-бы искусны они ни были, ни даже маклеровъ, но всякое лицо, выше ихъ по своему положенію, принимаютъ съ распростертыми объятіями, хотя оно съ артистами ничего общаго не имѣетъ. То же самое и въ другихъ клубахъ.

Такимъ образомъ, это равенство понимается на разные лады и принимаетъ всякаго рода оттѣнки, смотря по вкусу каждаго. Худо то, что большинство людей разумѣютъ подъ этимъ словомъ лишь уравненіе сословій и употребляютъ его какъ личину ихъ честолюбія и личной выгоды. Къ несчастію, существуетъ слишкомъ много примѣровъ тому, что это магическое слово служило къ изгнанію изъ общества не только вѣжливости и единодушія, но и совѣсти, и честности, и всего прочаго, замѣняя ихъ гордостью, дерзостью, презрѣніемъ и постыднымъ торгашествомъ,—чувствами, давшими мѣсто скрытности, коварству, плутнѣ, а при случаѣ—насилію, жестокостямъ и душегубствамъ, которыя бывали послѣдствіями этихъ чувствъ.

Равенство лишь въ смерти и въ невѣжествѣ, которое есть потемки души. Для людей здравомыслящихъ, оно—передъ закономъ, да и то съ замѣтнымъ отличіемъ въ формахъ. Что-же касается до природы, то въ ней не отыщется ни двухъ стебельковъ травы, ни двухъ ржаныхъ зернъ, ни двухъ песчинокъ, которыя были-бы равны. Равенство существуетъ тамъ, гдѣ правосудіе оказывается одинаково всѣмъ подданнымъ, безъ изъятія кого-либо. Это гораздо проще, яснѣе и удобопонятнѣе того сумбура, которымъ затемнили это слово. Защищать слабыхъ противу сильныхъ, малыхъ—противу большихъ, въ особенности-же честныхъ людей—противу мошенниковъ, вотъ въ чемъ истинное равенство!

Въ природѣ, вообще, равенство проявляется во мракѣ и во тьмѣ; разгоните то и другое и вы тотчасъ-же будете различать предметы, ихъ разности и неравенства. Въ обществахъ политическихъ равенство существовало всегда у народовъ варварскихъ, у которыхъ предводитель все, если онъ полновластенъ, а остальные—ничто, и вслѣдствіе этого всѣ были равны.

И такъ, выражаясь кратко, можно сказать, что равенство находится въ обратной пропорціи къ нашему развитію и нашей жизни: при рожденіи, въ состояніи рабства и при смерти, которая есть совершеннѣйшая эмблема равенства и истинная ея область.

Надобно, однако-же, отдать справедливость причудливости ума человѣческаго. Если, не смотря на лживость этихъ идей, ихъ приняли за основаніе конституцій, оказавшихся пригодными для нѣкоторыхъ націй, это было потому, что они нашли средства извлечь изъ таковыхъ пользу, заставивъ ихъ служить къ своему возвышенію, благосостоянію, къ своей славѣ. Мнѣ кажется, что причина этого счастливаго результата въ хорошей естественной организаціи этихъ людей, умѣвшей побѣдить недостатокъ принципа, на основаніи котораго ими управляли. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, чтобы его можно было примѣнить ко всѣмъ народамъ, которые не всѣ одинаково одарены столь счастливыми природными свойствами? Впрочемъ, что касается до благоденствія и величія народовъ вообще, то постараюсь доказать въ другомъ мѣстѣ, что ихъ восходящее движеніе, единожды начатое, не можетъ уже быть ни пріостановлено, ни отвращено, ни измѣнено.

Возвращаясь къ дѣтству человѣка вообще, скажу, что его характеризуютъ гораздо вѣрнѣе и осязаемѣе, нежели равенство— недуги, часто весьма гибельные, которые нападаютъ на младенца, а именно: колотья, страданія при прорѣзываніи зубовъ, сопровождаемыя судорогами, пресѣкающими жизнь, едва начатую. Корь, оспа, разнаго рода сыпныя и наслѣдственныя болѣзни дополняютъ этотъ списокъ бѣдствій человѣческихъ.

Изъ всѣхъ бичей, страшнѣйшимъ признана была въ то время въ Россіи — оспа. Оспопрививаніе, которое императрица Екатерина II желала ввести, подавъ примѣръ на себѣ самой и на наслѣдникѣ, еще не произвело полнаго своего дѣйствія и не было общепринято; тому противодѣйствовали старинные предразсудки. Многіе были, повидимому, убѣждены, что натуральная оспа, при благопріятномъ исходѣ, болѣзнь спасительная, очищающая кровь и уничтожающая зародыши многихъ другихъ недуговъ. Эти люди, въ подтвержденіе своего мнѣнія, говорятъ, что они замѣчали, будто-бы имѣющіе прививную оспу не пользу-

ются столь крѣпкимъ здоровьемъ. Но леченіе оспы, даже натуральной, было тогда плохое, благодаря невѣжеству докторовъ. Вмѣсто лекарствъ прохлаждающихъ, признанныхъ впослѣдствіи полезными, многіе изъ нихъ находили необходимымъ давать средства возбудительныя. И дѣйствительно замѣтили, что большая часть дѣтей изъ простонародья, чаще подверженныхъ вліянію воздуха и рѣже заботамъ врачей, спасались отъ смерти, а дѣти семействъ болѣе достаточныхъ почти всегда дѣлались ея жертвами.

Одинъ изъ моихъ старшихъ братьевъ заболѣлъ оспою и вскорѣ она перешла на всѣхъ другихъ. Насъ было четверо, я — третій. Два старшіе брата умерли; послѣдній, бывшій еще въ колыбели, уцѣлѣлъ, благодаря младенческому своему возрасту, а я находился въ такомъ отчаянномъ положеніи, что, заказывая гробы для моихъ братьевъ, намѣревались заказать уже и третій, для меня. Это была оспа „сливная“ и мы были ею покрыты, какъ угольно-черною корою. Въ этомъ положеніи мнѣ дали св причастіе, и такъ какъ вскорѣ послѣ того началось нагноеніе, то рѣшили, что я спасенъ, и спасеніе мое приписали св. Дарамъ. Но это не воспрепятствовало болѣзни оставить неизгладимые слѣды своего свирѣпства. Такъ какъ я не помню, во всякомъ случаѣ, каковъ я былъ до этой перемѣны, то и сѣтованія мои объ утратѣ неизвѣстной красоты никогда не были особенно велики. Знаю, что въ верхней части головы у меня было большое сходство съ матушкою. По тѣлосложенію вообще я былъ въ отца: худощавый, подвижной и средняго роста.

Матушка была женщина здравомыслящая и разсудительная и, какъ природная саксонка, передала мнѣ, какъ я думаю, тотъ, свойственный этому племени, духъ независимости, который я навсегда въ себѣ сохранилъ.

Однако-же чудесное мое исцѣленіе надѣлало шуму между старыми бабами и женскою прислугою въ нашемъ домѣ, а затѣмъ и у сосѣдей. Онѣ принялись за составленіе моего гороскопа, прибирая и особенно знаменательные для нихъ признаки, имѣвшіе отношеніе ко дню моего рожденія,—гаданіе, которымъ прилежно занимаются няньки во всѣхъ странахъ вообще, а въ невѣжественныхъ и суевѣрныхъ—въ особенности.

Всего прежде онѣ замѣтили, что я родился 27-го іюня —

въ день Полтавской битвы, что уже само по себѣ было добрымъ знакомъ; потомъ, что моя кормилица была благородная, какъ я уже выше говорилъ; наконецъ, что я былъ спасенъ чудомъ. Все это было къ добру и возвѣщало, что Провидѣніе приложило обо мнѣ нѣкоторую заботу и распредѣлило все это такимъ порядкомъ въ виду какой-то особенной цѣли и къ моему благополучію. Къ стыду моему, я долженъ сознаться, что, вслѣдствіе часто повторяемыхъ росказней объ этомъ гороскопѣ, я имъ былъ очень польщенъ. Впослѣдствіи я могъ убѣдиться многими примѣрами, что ни кормилицы, ни чудеса не имѣютъ вліянія на судьбу людей и что въ нѣкоторыхъ странахъ достоинства и дарованія,—результаты счастливой организаціи и образованія,—часто остаются зарытыми въ землю, безъ случая выбраться на свѣтъ и безъ полезнаго примѣненія къ дѣлу. Это убѣжденіе, можетъ быть, не согласно съ мнѣніемъ нянюшекъ, наставницъ, наставниковъ и даже министровъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Тѣмъ не менѣе опытъ, изо-дня въ день, убѣдилъ меня въ этой истинѣ и съ этимъ убѣжденіемъ я буду продолжать разсказъ о томъ, что я видѣлъ и, по моему мнѣнію, зналъ — во все продолженіе моей жизни.

П. В. Чичаговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сообщ. Л. М. Чичаговъ.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

въ разсказѣ генерала Чаплица.

1812.

При составленіи М. И. Богдановичемъ описанія отечественной войны 1812 года, казалось, что всѣ матеріалы исчерпаны и не придется болѣе дѣлать никакихъ дополненій къ этому гигантскому труду. Одинъ только генералъ Липранди, участникъ этой войны, остался положительно недоволенъ работою Богдановича, показавшейся ему сухимъ, безжизненнымъ повѣствованіемъ, и поэтому онъ напечаталъ рядъ статей и замѣтокъ въ московскихъ историческихъ журналахъ.

Въ 1877 году А. Н. Поповъ напечаталъ въ „Русской Старинѣ" весьма интересныя изслѣдованія, основанныя на новыхъ документахъ. Эти статьи, касающіяся военныхъ дѣйствій со времени прибытія Кутозова къ арміи, писанныя лицомъ не военнымъ, носятъ характеръ болѣе литературный, картинный, легче читаются людьми не спеціально изучающими эту эпоху, но онѣ дышатъ пристрастіемъ къ нѣкоторымъ дѣятелямъ.

Замѣчательно, что, до позднѣйшаго времени, никто изъ историковъ не отдалъ должнаго значенія главному дѣятелю и труженику въ страдную годину нашествія двадесяти языковъ, именно—императору Александру I-му. На него смотрѣли какъ на царя Благословеннаго, какъ на ангела-хранителя земли русской, но всю славу приписали — фельдмаршалу Кутузову. Ранѣе Барклая-де-Толли и Кутузова — планъ кампаніи былъ составленъ самимъ императоромъ, касавшійся не только однихъ военныхъ дѣйствій, но политическій, весьма обширный и многосложный, а когда выяснилась необходимость завлечь Наполеона внутрь Россіи, Александръ I лично составилъ въ Петербургѣ другой планъ, которому, къ несчастію, одни начальники слѣдовали слѣпо, другіе намѣренно дурно, а третьи плохо, по неспособности. Еще мало изслѣдована и разобрана переписка императора съ военноначальниками и другими дѣятелями отечественной войны. Сборникъ писемъ генерала Дубровина, архивъ кн. Воронцова многое уже выяснили, но не менѣе важными разоблаченіями переполнены записки адмирала П. В. Чичагова, которыя готовятся къ печати. Адмиралъ былъ въ то время однимъ изъ ближай-

шихъ лицъ къ императору и государь не рѣшалъ почти ни одного вопроса, не посовѣтовавшись со своимъ „постоянно дежурнымъ генералъ-адъютантомъ“.

Нѣтъ сомнѣнія, что именно эта близость Чичагова къ императору и злоба Кутузова, за смѣну его въ дунайской арміи, причинили то паденіе, которое рѣшило дѣло при Березинѣ. Коварныя дѣйствія Кутузова относительно адмирала уже разоблачены, но нельзя не удивиться, что много десятковъ лѣтъ потребовалось для этого. Масса современниковъ и свидѣтелей переправы заявляли тогда словесно и письменно о невиновности Чичагова и что во всякомъ случаѣ отвѣтственность за переправу должна пасть на Кутузова и Витгенштейна болѣе, нежели на адмирала, но этимъ лицамъ зажимали рты, а записки ихъ рвались и прятались подъ спудъ. Къ числу такихъ заявленій принадлежитъ записка генерала Чаплица, найденная мною въ моемъ семейномъ архивѣ съ письмами его-же къ П. В. Чичагову, которыя я и печатаю теперь на страницахъ „Русской Старины“ отдѣльно, какъ не вошедшія въ Записки адмирала. Даже многія вліятельныя и образованнѣйшія лица того времени не могли вразумить общую молву, обвинявшую адмирала не только въ пропускѣ Наполеона, но даже въ измѣнѣ. Графъ С. Р. Воронцовъ, находившійся въ постоянныхъ сношеніяхъ со всѣми министрами и высшими сановниками, защищалъ адмирала, и достаточно прочесть его письма къ Чичагову (19 томъ архива кн. Воронцова), чтобы убѣдиться въ томъ. П. Ив. Полетика, дипломатъ, извѣстный ученый, спустя три года, писалъ гр. С. Р. Воронцову (кн. 30 Арх. кн. Вор., стр. 428):

„Le nom de l'excellent amiral Tchitchagoff est en odeur de sainteté à notre quartier général“ (имя добрѣйшаго адмирала Чичагова причислено къ святымъ въ нашей главной квартирѣ).

Сынъ С. Воронцова,—Михаилъ Семеновичъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ, командовавшій авангардомъ въ дунайской арміи, письменно оправдывалъ адмирала и, судя по корреспонденціямъ, помѣщеннымъ въ Архивѣ кн. Воронцова, это оправданіе было читано весьма многими сановниками.

А. П. Ермоловъ говоритъ въ своихъ Запискахъ (стр. 269—275): ....„адмиралъ Чичаговъ, при первомъ разговорѣ со мною, выказался превосходнаго ума, и я чувствую съ негодованіемъ, насколько безсильно оправданіе мое возлагаемыхъ на него обвиненій... Проходя съ отрядомъ моимъ по большой дорогѣ на Вильну, на ночлегъ пріѣхалъ неожиданно кн. Кутузовъ и расположился отдохнуть. Немедленно явился я къ нему и продолжительны были распросы его о сраженіи при Березинѣ. Я успѣлъ объяснить ему, что адмиралъ Чичаговъ не столько виноватъ, какъ многіе представить его желаютъ.

...„Легко могъ я замѣтить, до какой степени простиралось неблагорасположеніе его къ адмиралу. Не нравилось ему, что я смѣлъ оправдывать его. Но въ званіи моемъ неловко было рѣшительно пренебречь моими показаніями, и кн. Кутузовъ не предпринялъ склонить меня понимать иначе то, что я видѣлъ собственными глазами. Онъ принялъ на себя видъ чрезвычайно довольнаго тѣмъ, что узналъ истину, и увѣрялъ (хотя и не увѣрилъ), что совсѣмъ другими глазами будетъ смотрѣть на адмирала, но что доселѣ готовъ былъ встрѣтиться съ нимъ непріятнымъ образомъ. Онъ приказалъ мнѣ представить послѣ записку о дѣйствіяхъ при Березинѣ, но чтобы никто не зналъ о томъ.

...„По мнѣнію многихъ, вина Чичагова, въ отношеніи къ князю Кутузову, заключается въ томъ, что онъ умѣлъ постигнуть его совершенно“.

Д. В. Давыдовъ говоритъ (т. I, стр. 111):

„Ермоловъ, очевидецъ Березинскихъ событій, представилъ свѣтлѣйшему записку, въ которой имъ были рѣзко изложены истинныя, по его мнѣнію, причины благополучнаго отступленія Наполеона. Онъ поднесъ ее во время пріѣзда въ Вильну князя, сказавши ему при этомъ случаѣ: „голубчикъ, подай мнѣ ее, когда у меня никого не будетъ“. Эта записка, переданная князю вскорѣ послѣ того и значительно оправдывавшая Чичагова, была, вѣроятно, умышленно затеряна свѣтлѣйшимъ“.

Въ то-же время, въ Вильнѣ, кн. Кутузовъ сказалъ у себя за обѣдомъ въ отвѣтъ на тостъ: за здоровье побѣдителя! — „Ахъ, не все сдѣлано! Если бы не адмиралъ, то простой псковскій дворянинъ сказалъ-бы: „Европа, дыши свободно“! (Богдановичъ, т. 3, стр. 298). Эта рѣчь характеризуетъ фельдмаршала: хитро и не честно.

Въ Сборникѣ писемъ генерала Дубровина есть, на стр. 451, одно, адресованное Лонгинову отъ неизвѣстнаго (16 января 1813 г., изъ Бромберга.) Этотъ неизвѣстный пишетъ:

„Я вижу, что въ Петербургѣ совсѣмъ не отдаютъ справедливости Чичагову .....

Движеніе его къ Борисову прямо, оставляя Сакена занимать Шварценберга, прекрасно и пресмѣло. Мало изъ тѣхъ, кои его бранятъ, пошли-бы съ 30,000 прямо въ зубы къ Бонапарте, у коего было до 80,000. Березина, можно сказать, доканала французовъ...... Всѣ французы говорятъ, что погубила ихъ совершенно встрѣча съ молдавской арміей у Березины“.

Лордъ Терконель, состоявшій при арміи, писалъ къ лорду Р. Вильсону (Сборникъ Дубровина) еще 6 ноября:

„Если будемъ имѣть неудачу, то, конечно, не отъ недостатка ревности въ нашемъ главнокомандующемъ (Чичаговѣ)“.

Лордъ Вильсонъ, въ свою очередь, писалъ императору послѣ переправы, обвиняя во всемъ Кутузова, но не Чичагова.

Множество было документовъ и лицъ, оправдывавшихъ адмирала, даже и самъ государь не винилъ Чичагова (многіе историки ошибаются, будто императоръ измѣнилъ свои личныя отношенія къ адмиралу), но общая молва, заставившая въ началѣ войны избрать Кутузова главнокомандующимъ, въ концѣ недостойнымъ образомъ запятнала Чичагова, возводя на него обвиненія во всѣхъ ошибкахъ другихъ генераловъ. Министры и сановники, хотя можетъ быть въ душѣ чувствовали и понимали, что адмиралъ не такъ много виноватъ, но имъ было выгодно сбросить его съ пьедестала и отдалить отъ государя. Адмиралъ не щадилъ ни безчестныхъ, ни глупыхъ. Характеристично выраженіе Н. М. Лонгинова о П. В. Чичаговѣ въ письмѣ его къ С. Р. Воронцову, отъ 7 марта 1812 г. (кн. 23 Арх. кн. Вор., стр. 94):

„Слышно, что при государѣ будутъ находиться, кромѣ военнаго министра и Бенингсена, графы Румянцовъ и Кочубей, также Чичаговъ, который для двухъ первыхъ будетъ то, что употребленіе электрическаго огня для укрѣпленія силы ослабѣвшихъ частей“.

Если Кутузовъ уничтожилъ записку Ермолова и продолжалъ умышленно обвинять Чичагова, когда онъ однимъ словомъ могъ оправдать его предъ всей Россіей, и это лежало на его обязанности, то, разумѣется, старанія многихъ другихъ, въ томъ числѣ генерала Чаплица, не могли измѣнить убѣжде-

ній, вкоренившихся въ обществѣ. Записка его хранилась въ архивѣ Главнаго Штаба, но въ то время ей не придали никакого значенія.

Чаплицъ, одинъ изъ доблестнѣйшихъ героевъ нашихъ 1812 года и храбрѣйшихъ кавалерійскихъ генераловъ, пользовался общимъ уваженіемъ и былъ въ высшей степени скромнымъ и совѣстливымъ человѣкомъ. Онъ служилъ въ арміи Тормасова и познакомился съ Чичаговымъ только со дня принятія послѣднимъ командованія обѣими соединенными арміями, слѣдовательно, за нѣсколько десятковъ дней до переправы. Можно было-бы скорѣе ожидать отъ него нерасположенія къ главнокомандующему-моряку; что онъ, подобно многимъ другимъ, взвалитъ всю вину на Чичагова, чтобы избавиться отъ тѣхъ упрековъ, которые посыпались въ частности и на него, но честный характеръ генерала Чаплица вполнѣ выразился въ его запискѣ. Онъ возсталъ противъ этого гнуснаго направленія закидыванія грязью своего начальника, для оправданія собственныхъ ошибокъ, и лишь поясняетъ самые факты, какъ складывались обстоятельства, побуждавшія къ тѣмъ или другимъ дѣйствіямъ и рѣшеніямъ со стороны адмирала и его самого.

Записки генерала Чаплица и письма къ П. В. Чичагову въ оригиналѣ писаны на французскомъ языкѣ; приводимъ ихъ въ возможности точномъ, почти подстрочномъ, переводѣ.

Изъ писемъ Чаплица къ Чичагову видно, что первый желалъ написать еще другую записку, исключительно съ цѣлью оправдать адмирала, но, какъ намъ извѣстно, на многія подобнаго рода просьбы, Чичаговъ отвѣчалъ всегда отказомъ, убѣжденный, что время и исторія ему безъ того отдадутъ полную справедливость.

Л. М. Чичаговъ.

I.

Я часто старался изслѣдовать причины, воспрепятствовавшія стольким маршаламъ и отличнымъ французскимъ генераламъ оправдать блестящими дѣяніями репутацію, снисканную уже признанными ихъ дарованіями, и выводъ моихъ размышленій убѣдилъ меня, что вина въ томъ можетъ быть приписана лишь главнокомандующему, отъ коего всегда зависитъ оцѣнить достоинства офицера и поставить его въ положеніе, въ которомъ онъ могъ-бы выказать свои способности. Если я не ошибаюсь въ этомъ предположеніи, то военныя дарованія наши (буде таковыя есть у насъ) подчинены выбору, дѣлаемому нашими начальниками, и довѣрію, которымъ имъ угодно насъ удостоивать. Во мнѣ никогда не было настолько высокомѣрія, чтобы воображать, будто служба безъ меня не можетъ обойтись; однако же считаю себя

въ правѣ надѣяться, что, съ усердіемъ исполняя мои обязанности, не долженъ опасаться быть забытымъ, или менѣе отличеннымъ противу другихъ. Это правило кажется мнѣ тѣмъ болѣе справедливымъ, что оно основывается на чести моего государства, на справедливости моего монарха и на послѣдствіяхъ, которыя суть неизбѣжный результатъ безукоризненнаго поведенія.

Въ началѣ кампаніи 1812 года, сдѣлавшейся интересною не только для военнаго, но одушевлявшей всякаго честнаго человѣка, я былъ поставленъ въ самое досадное, когда либо испытанное мною, положеніе.

Задолго до кампаніи, по повелѣнію Его Величества Государя Императора, я получилъ начальствованіе надъ сильнѣйшей кавалерійской дивизіей, бывшей тогда въ Россіи; но вскорѣ замѣтилъ, что нѣкоторые полки требовали особенныхъ заботъ, и съ того же времени я, вмѣстѣ съ командирами, занялся приведеніемъ ихъ въ состояніе дѣлить почести и опасности войны.

Когда армія расположилась въ Луцкѣ, я былъ назначенъ начальникомъ 4-го кавалерійскаго корпуса и имѣлъ удовольствіе быть опредѣленнымъ къ командованію авангардомъ арміи князя Багратіона. По роковому предопредѣленію, мнѣ особенно присущему, этотъ генералъ получилъ приказаніе располагать ввѣренными мнѣ полками, равно и генералами, состоявшими подъ моимъ начальствомъ, за исключеніемъ, однако же, меня самого, еще не находившагося даже въ спискахъ генераловъ.

Не смотря на мои попытки узнать о готовившемся мнѣ назначеніи, я не нашелъ никого, кто могъ бы сообщить мнѣ объ этомъ.

Первая мысль, по несчастію, мнѣ пришедшая въ голову, и на которой я остановился, заключалась въ томъ, что питаютъ сомнѣніе въ истинной моей приверженности. Это впечатлѣніе было слишкомъ прискорбно, чтобы оно не возмутило моей души, и, признаюсь, съ той минуты мое существованіе стало мнѣ въ тягость, тѣмъ, что утратило для меня всю привлекательность. Однако-же, будучи твердъ въ моихъ правилахъ, я успокоился духомъ, но тѣло — пострадало: одна нога у меня отнялась и я былъ принужденъ слечь въ постель. Тѣмъ не менѣе, когда генералъ Тормасовъ получилъ впослѣдствіи приказаніе ввѣрить мнѣ 8-ю дивизію, я заставилъ умолкнуть свои страданья и, не обра-

щая вниманія на слабость моего здоровья, повиновался одной ревности къ службѣ моему государю, чтобы немедленно вступить въ исправленіе должности. Вскорѣ послѣ того мы получили приказъ о выступленіи.

Главнокомандующему генералу Тормасову предстояло сначала наблюдать за двумя пунктами: первый былъ къ сторонѣ Владиміра (Волынскаго), гдѣ крѣпость Замосцье, хотя и занятая слабымъ гарнизономъ, могла быть поддерживаема патріотическимъ порывомъ жителей, которые, въ случаѣ необходимости, въ состояніи были облегчать его намѣренія, стѣсняя наши дѣйствія,— отнятіемъ провіанта и лазаретныхъ обозовъ, за ними слѣдовавшихъ. Для сего генералъ Тормасовъ былъ принужденъ оставить небольшой отрядъ въ Владимірѣ, съ приказаніемъ наблюдать за непріятелемъ и не давать имъ никакого хода. Вторая задача по повелѣнію его величества состояла въ наступательныхъ дѣйствіяхъ противу непріятеля, находившагося тогда въ Брестъ-Литовскѣ и въ Кобринѣ. Вслѣдствіе этого генералъ Тормасовъ назначилъ князя Щербатова съ его дивизіею, подъ начальство генерала графа Ламберта, которому далъ приказаніе слѣдовать вдоль по Бугу, направляясь къ Бресту, Булкову и Кобрину. Генералъ графъ Ламбертъ, вмѣстѣ съ княземъ Щербатовымъ отлично выполнилъ возложенное на него порученіе. Онъ овладѣлъ Брестъ-Литовскомъ, отбросилъ находившіеся тамъ два саксонскіе эскадрона и взялъ много плѣнныхъ. Тогда онъ продолжалъ свой путь до Булкова, въ 28 верстахъ отъ Кобрина. Главнокомандующій, взявъ кратчайшую дорогу и не встрѣтивъ никакого препятствія, очутился въ тотъ же день въ 20 верстахъ отъ этого города, а я съ авангардомъ находился на 10 верстномъ разстояніи впереди Кобрина. Долгъ службы и мое усердіе заставили меня въ тотъ же самый день разузнать о непріятелѣ и, взявъ съ собою маіора Павлоградскаго полка Остроградскаго, котораго нашелъ впереди, я замѣтилъ, что непріятель былъ съ этой стороны въ совершенной безопасности и даже ничего не зналъ о приближеніи нашей арміи. Мое наблюденіе подтвердилось двумя патрулями, коихъ я велѣлъ захватить. Отъ нихъ я узналъ: о приближеніи генерала Ренье, въ подкрѣпленіе генералу Кленгелю, находившемуся тогда въ Кобринѣ; о томъ, что у генерала Кленгеля должно быть 4,000 человѣкъ и 12 орудій, а у гене-

рала Ренье 11,000 человѣкъ, при соотвѣтствующемъ числѣ пушекъ. Подвигаясь впередъ, я узналъ еще отъ помѣщика одной деревни, что генералу Кленгелю дано приказаніе держаться въ Кобринѣ, потому что генералъ Ренье полагалъ придти во-время, чтобы его поддержать; но такъ какъ успѣвшіе спастись изъ Бреста извѣстили его, что наши силы, приближающіяся къ Кобрину, гораздо значительнѣе, нежели его, то это обстоятельство заставитъ Кленгеля покинуть Кобринъ. По моемъ возвращеніи позднею ночью, я поразмыслилъ и рѣшилъ отрѣзать генерала Кленгеля отъ генерала Ренье и лишить его всякаго сообщенія съ этимъ корпусомъ, тѣмъ болѣе, что я былъ увѣренъ, что главныя силы арміи придутъ ко мнѣ на помощь, въ случаѣ если-бы корпусъ Ренье отважился идти на защиту генерала Кленгеля, а съ другой стороны генералъ графъ Ламбертъ, которому я сообщилъ о моемъ намѣреніи, чрезъ нарочнаго, не замедлитъ своимъ прибытіемъ. Хотя я и имѣлъ приказаніе отъ главнокомандующаго не отдаляться отъ него съ моимъ авангардомъ, а ожидать генерала графа Ламберта, я долгомъ своимъ счелъ, однако-же, дѣйствовать немедленно, дабы не упустить случая къ удачному захвату непріятеля. Легко было предвидѣть, что съ той минуты, какъ генералъ Кленгель увидитъ себя атакованнымъ корпусомъ генерала графа Ламберта, онъ будетъ принужденъ очистить городъ, чтобы присоединиться къ генералу Ренье, находившемуся тогда въ Городцѣ, и я рѣшился дѣйствовать въ твердомъ убѣжденіи, что иначе этотъ отрядъ можетъ ускользнуть у насъ изъ рукъ. Однажды рѣшившись, я увѣдомилъ главнокомандующаго о положеніи, въ которомъ находился непріятель, и тронулся въ походъ, пославъ впередъ нѣсколько эскадроновъ съ маіоромъ Остроградскимъ, чтобы отвлечь непріятеля, а самъ съ остальными, пользуясь лѣсомъ, прилегающимъ къ городу, достигъ дороги въ Городецъ, гдѣ встрѣтилъ уже весь обозъ, много скота и музыкантовъ королевскаго полка, сопровождаемыхъ однимъ эскадрономъ. Послѣ внезапной атаки все это досталось мнѣ въ руки. Эта добыча доказывала, что мой расчетъ былъ вѣренъ и что генералъ Кленгель, дѣйствительно, долженъ былъ покинуть Кобринъ. Послѣ того я приложилъ все стараніе, чтобы стать на пути такъ, чтобы перерѣзать ему дорогу съ противуположной стороны рѣки Муховецъ, и переправилъ въ бродъ на тотъ берегъ

казачій полкъ и нѣсколько эскадроновъ, чтобы пресѣчь имъ всѣ проходы. Въ это время маіоръ Остроградскій отвлекалъ гарнизонъ учащенными атаками и поддерживалъ огонь непріятеля, думавшаго сначала, что иныхъ силъ, кромѣ этихъ, нѣтъ. Лишь только непріятель замѣтилъ, что мои войска уже на дорогѣ въ Городецъ, то генералъ Кленгель попытался пробиться, пославъ впередъ кавалерію, при нѣсколькихъ пушкахъ. Самъ онъ готовъ былъ слѣдовать за ними и для этого выставилъ двѣ пушки противъ моихъ войскъ, а кавалеріи велѣлъ дефилировать. Не теряя времени, я отдалъ приказаніе двумъ эскадронамъ павлоградцевъ атаковать пушки и кавалерію и имѣлъ счастіе ихъ обратить въ бѣгство и вогнать въ городъ. Оба мои эскадрона на плечахъ непріятеля ворвались въ городъ; для поддержанія ихъ я приказалъ 13-му егерскому полку идти туда-же и стѣснить непріятеля, имѣвшаго для защиты всего два орудія. Подъ командою капитана Бракера, былъ открытъ сильный огонь, такъ какъ непріятель защищался съ замѣчательною храбростью и уступалъ позицію, оспаривая ее съ мужествомъ. Однако-же, подъ конецъ, онъ былъ принужденъ уступить городъ храбрости нашихъ войскъ и сосредоточить свои силы въ небольшомъ укрѣпленіи, построенномъ Карломъ XII. Я находился въ городѣ, когда туда прибылъ адъютантъ главнокомандующаго съ увѣдомленіемъ, что послѣдній желаетъ меня видѣть и что самъ онъ находится по сосѣдству. Это было въ ту миниту, когда стѣсненный непріятель поднималъ бѣлый флагъ. Поэтому я поспѣшилъ отправиться къ главнокомандующему, чтобы отдать ему подробный отчетъ о дѣлѣ, которое казалось мнѣ оконченнымъ. Намѣреніемъ моимъ, при движеніи на Кобринъ, было отвлечь саксонцевъ въ такой мѣрѣ, чтобы имъ понадобилась помощь австрійцевъ, въ чемъ я совершенно успѣлъ. Австрійскій императоръ не долженъ былъ мнѣ этого простить, а также и князь Шварценбергъ, за ускользнувшій изъ его рукъ фельдмаршальскій жезлъ; присоединясь къ саксонцамъ, онъ имѣлъ бы надъ нами перевѣсъ, будучи сильнѣе насъ, и исходъ дѣла не могъ быть сомнителенъ. Но каково-же было мое удивленіе, когда, по прибытіи моемъ къ главнокомандующему, Тормасовъ, ни мало не распрашивая о результатѣ моего предпріятія, сталъ упрекать меня за то, что я напалъ на нѣсколько сотень несчастныхъ съ

одною пушкою, чтобы затѣять бой, и присовокупилъ къ этому, что выигрышъ не равняется проигрышу.

Этотъ родъ выговора удивилъ меня до того, что я не зналъ, что со мною; удивилъ тѣмъ болѣе, что я полагалъ, будто я заслужилъ его одобреніе. Находясь въ этомъ непріятномъ положеніи, я былъ принужденъ доказать главнокомандующему, что по положительнымъ свѣдѣніямъ, дошедшимъ до меня, о которыхъ я ему сообщилъ, силы непріятеля были достаточно значительны, чтобы заслуживать нападенія съ моей стороны, въ чемъ самъ онъ убѣдится впослѣдствіи, и что пушекъ было болѣе одной, ибо я самъ взялъ ихъ пять.

Послѣ этого объясненія, главнокомандующій выразилъ мнѣ желаніе отправиться посмотрѣть на городъ, и я его повелъ туда, дабы онъ могъ убѣдиться собственными глазами въ сущей правдѣ моего донесенія. Едва вошли мы въ городъ, какъ генералъ Марковъ, пославшій въ него одинъ батальонъ, увѣдомилъ насъ, что укрѣпленіе сдается. Главнокомандующій поздравилъ его предо мною съ этой побѣдой, но генералъ Марковъ былъ такъ честенъ, что отклонилъ поздравленіе, сознаваясь, что успѣхъ дѣла отнюдь не принадлежитъ ему, а что мнѣ одному обязаны удачею предпріятія. Не смотря на эти обстоятельства, главнокомандующій не соизволилъ дать мнѣ удовлетворенія и не допустилъ меня заключить капитуляцію съ остатками сдавшихся. Я не могъ понять причины этой новой непріятности; имѣя привычку свято соблюдать долгъ службы и пользу моего государя, я думалъ, что можно быть виновнымъ только тогда, когда не стараешься изъ всѣхъ силъ соблюдать пользу службы и честь войскъ, а слѣдовательно, и чести главнокомандующаго.

Положеніе плѣнныхъ достаточно доказало, что на это дѣло стоило отважиться, и впослѣдствіи главнокомандующій былъ восхищенъ его успѣхомъ. Награды, которыя государь пожаловалъ за это дѣло, подтвердили, какое пріятное впечатлѣніе оно произвело [1]).

Я старался всѣми силами изслѣдовать причину моей неми-

---

[1]) Императоръ пожаловалъ Тормасову орденъ св. Георгія 2-й ст. и 50 тысячъ рублей. Графъ Ламбертъ получилъ саблю, украшенную алмазами, съ надписью: „За храбрость". Л. Ч.

лости и узналъ, наконецъ, чрезъ генералъ-квартирмейстера, что главнокомандующему было угодно приберечь успѣхъ этого дѣла для генерала графа Ламберта. Не знаю, справедливо-ли это заявленіе; но если оно согласно съ истиною, то невыгодно для государя, когда рискуютъ скорѣе потерять удачное дѣло, нежели допустить выиграть его не тому лицу, къ которому благоволятъ.

Я всегда былъ близокъ къ генералу графу Ламберту, коего военныя достоинства мнѣ извѣстны, и мы съ нимъ никогда не домогались инаго соревнованія, кромѣ того, чтобы насъ цѣнили за нашу ревность къ пользамъ службы, что и оказалось въ продолженіе кампаніи; стало быть, мое наступленіе подъ Кобринымъ не могло быть вызвано желаніемъ отнять у него честь этого дѣла; оно, напротивъ, подготовило-бы ему успѣхъ, если-бы генералъ графъ Ламбертъ находился тогда ближе къ мѣсту дѣйствія. Не знаю, какую выгоду могъ имѣть въ виду главнокомандующій Тормасовъ, возвѣщая, что въ этомъ дѣлѣ принимала участіе вся его армія. Мнѣ кажется, что гораздо похвальнѣе, если авангардъ, состоящій изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, беретъ въ плѣнъ три тысячи и захватываетъ 8 орудій, нежели одержать эту побѣду корпусомъ арміи въ 30 тысячъ человѣкъ; отблескъ славы падаетъ, во всякомъ случаѣ, на главнокомандующаго.

Зная основательно то стѣсненное положеніе, въ которомъ мы находились, я счелъ-бы себя виновнымъ въ величайшей небрежности, если-бы, по нерѣшительности моей, не воспрепятствовалъ непріятелю очистить Кобринъ и избѣгнуть битвы, тѣмъ болѣе, что первая удача всегда производитъ самое выгодное впечатлѣніе на войска, начинающія кампанію.

Если-бы, не теряя времени, воспользовались этимъ обстоятельствомъ и двинулись на встрѣчу генералу Ренье, находившемуся въ Городцѣ, какъ я увѣдомлялъ, отрѣзавъ ему отступленіе къ Слониму, гибель этого корпуса была-бы неизбѣжна. Не знаю побудительныхъ причинъ главнокомандующаго, но доказано, что какъ только мы потеряли нѣсколько дней, генералъ Ренье выигралъ у насъ нѣсколько маршей и могъ тогда дать возможность придти князю Шварценбергу и дѣйствовать, въ свою очередь, наступательно противъ насъ. Не останавливаюсь на этомъ событіи; его лучше докажетъ историческій обзоръ, подробно разби-

рающій движенія армій по числамъ и мѣсяцамъ. Весьма печально и весьма бѣдственно для арміи, которая въ первую минуту была въ состояніи истребить значительный корпусъ, подвергнуться внезапному нападенію и быть опрокинутою, не смотря на дѣло графа Ламберта подъ Пружанами съ Саксонской арміей, мое—въ Сегневицахъ съ австрійцами и на общее сраженіе, данное въ Городечнѣ, съ равнымъ успѣхомъ; затѣмъ, видѣть себя въ необходимости отступать, покидать области, которыя она могла удерживать за собою, и быть принужденной подвергаться неудачамъ и находиться на волосъ отъ загона въ пинскія болота. Мнѣ удивительно посчастливилось въ Выжвѣ, въ жаркомъ дѣлѣ съ австрійцами; я бился тамъ въ теченіе 18 часовъ подъ-рядъ и находился одинъ для удержанія движенія австрійской арміи и для защиты нашей; наконецъ, армія генерала Тормасова была принуждена перейти чрезъ Стырь и занять позицію въ Луковѣ.

Во время этого движенія, подъ моимъ управленіемъ находились всѣ посты на Стырѣ, на протяженіи 120 верстъ; можно было опасаться, чтобы непріятель не предпринялъ переправы черезъ рѣку; мы поджидали прихода Молдавской арміи, которая, при первыхъ-же извѣстіяхъ, тронулась въ походъ, однако-же, срокъ прибытія ея на берега Стыря еще не былъ извѣстенъ.

Достаточно бросить взглядъ на позицію арміи главнокомандующаго Тормасова, чтобы ясно увидѣть, насколько для него было существенно необходимо держаться на этой позиціи до прибытія адмирала Чичагова.

Тогда-то я получилъ не только приказаніе, но мнѣ было вмѣнено въ особенную обязанность оберегать всѣ ввѣренные мнѣ пункты. Генералъ Тормасовъ въ первыя-же минуты заставилъ меня приложить старанія, чтобы, по крайней мѣрѣ, десять дней удержаться на позиціи, и обѣщалъ, что если я въ этомъ успѣю, то вся слава будетъ принадлежать мнѣ. Вслѣдствіе этого я употребилъ всѣ усилія и держался 24 дня, до прибытія Молдавской арміи. Этимъ временемъ генералъ графъ Ламбертъ внезапно напалъ на одинъ полкъ (Орелли) и истребилъ его, а я имѣлъ весьма посредственную удачу, захвативъ нѣсколькихъ плѣнныхъ.

Никогда и никто не испытывалъ той живѣйшей радости, какую извѣдали мы, узнавъ о приближеніи арміи адмирала Чичагова. Должно признаться, что единственно рѣдкимъ достоинствамъ

этого генерала принадлежала заслуга прибытія къ намъ на помощь съ такою удивительною быстротою, безъ остановокъ предъ препятствіями, которыя ему пришлось преодолѣвать, какъ, напримѣръ, переправы черезъ рѣки, сдѣлавшіяся опасными вслѣдствіе разливовъ; въ короткій промежутокъ времени онъ совершилъ длиннѣйшій путь изъ Бухареста въ Луково. Единственно этому быстрому соединенію обязаны мы успѣхами нашей арміи и, можетъ быть, вліяніемъ на успѣхи великой арміи. Во всякомъ случаѣ должно сознаться, что онъ спасъ честь нашей арміи, не дозволилъ отбросить насъ на Кіевъ, а что главнѣе того, всѣ эти превосходныя губерніи не достались въ руки непріятелю.

Если-бы я писалъ пояснительную записку, то, можетъ быть, долженъ былъ-бы остановиться на минуту на бездѣйствіи, оказанномъ австрійскою арміею, соединившеюся на Стырѣ; но, повидимому, она убѣдилась, что взятіе Москвы, о которомъ намъ было возвѣщено пушечною пальбою, произведенною на всѣхъ пунктахъ, почти прекратило войну. Не знаю, впрочемъ, могло-ли движеніе князя Шварценберга впередъ принести пользу Наполеону, но вѣрно то, что для австрійской арміи оно не имѣло никакихъ благопріятныхъ послѣдствій. Такъ какъ намѣреніе мое заключается единственно въ томъ, чтобы дать вѣрное понятіе о касающемся до меня лично и желая сохранить мою меморію, я обхожу молчаніемъ множество обстоятельствъ, покрывшихъ воиновъ нашихъ славою.

Наконецъ, 3-го (15-го) сентября произошло благополучное соединеніе армій и оба наши военачальника согласились снова начать дѣйствія наступательныя; перевѣсъ былъ на нашей сторонѣ; обѣ наши соединительныя арміи приняли болѣе грозный видъ и непріятель это замѣтилъ при первомъ же движеніи. Онъ началъ отступать, а мы стали его преслѣдовать. Можно было-бы сдѣлать много примѣчаній о неудобствахъ, съ которыми это движеніе было сопряжено для насъ, но результатъ былъ всегда въ нашу пользу. Князь Шварценбергъ выказалъ при этомъ отступленіи многія дарованія; онъ съумѣлъ вторично спасти генерала Ренье. У нашей арміи было два авангарда: одинъ подъ начальствомъ графа Ламберта, другой — подъ моимъ. Генералъ Ламбертъ приложилъ всѣ старанія къ преслѣдованію непріятеля, то-же дѣлалъ и я съ своей стороны; онъ имѣлъ нѣсколько удач-

ныхъ дѣлъ подъ Брестъ-Литовскомъ, а я, въ свою очередь, захватилъ плѣнниковъ, овладѣвъ двумя эскадронами неподалеку отъ Булкова; если-бы не произошло недоразумѣнія, то я не только истребилъ-бы небольшой отрядъ австрійскаго генерала, но могъ бы и его самого взять въ плѣнъ.

Близь Любомля главнокомандующій Тормасовъ получилъ, чрезъ генерала Чернышева, повелѣніе сдать начальствованіе своей арміи адмиралу, а самому отправиться въ великую армію, и съ этого времени адмиралъ Чичаговъ былъ главнокомандующимъ надъ обѣими соединенными арміями. Онъ прибылъ ко мнѣ въ Булковъ и приказалъ сдѣлать общее движеніе на Брестъ-Литовскъ; непріятель былъ выгнанъ и городъ сданъ въ наше распоряженіе. Затѣмъ, вслѣдствіе непредвидѣннаго обстоятельства, генералъ Марковъ, командовавшій корпусомъ, былъ посланъ въ великую армію, а я назначенъ на его мѣсто; однѣ движенія войскъ слѣдовали за другими и мой корпусъ получилъ приказаніе занять позицію между Каменкою и Брестомъ, чтобы прикрывать Пружанскую дорогу и отбросить непріятеля къ герцогству Варшавскому. Часть нашей арміи преслѣдовала непріятеля, а главныя ея силы остановились въ Брестѣ для отдыха. Наконецъ, князь Шварценбергъ, по операціонному плану императора Наполеона, старался, съ своей стороны, занять обѣ соединенныя арміи, увлекая ихъ къ герцогству Варшавскому.

Въ это время прибылъ генералъ Сакенъ. Его старшинство, долговременная служба, равно и военныя дарованія давали ему право на начальствованіе; его назначили командиромъ корпуса, которымъ я командовалъ. Этотъ заслуженный воинъ былъ огорченъ, видя меня, такимъ образомъ, лишеннымъ власти, а я былъ въ восхищеніи служить подъ его начальствомъ. Нѣтъ ничего лучше, какъ служить подъ начальствомъ человѣка, котораго уважаешь. Въ то время я желалъ одного, это—чтобы меня употребляли въ дѣло, не различествуя какой величины отрядъ будетъ подъ моей командой и какой дастъ мнѣ онъ титулъ; я не имѣлъ другаго желанія, какъ выказать государю усердіе, одушевлявшее меня.

Случай къ тому не замедлилъ представиться. Такъ какъ корпусъ генерала Сакена составлялъ лѣвое крыло нашей арміи и вся Литва находилась на разстояніи выстрѣла отъ него, то онъ

былъ поставленъ въ необходимость имѣть положительныя данныя о состояніи этого княжества. Чрезъ посредство моихъ лазутчиковъ и тѣхъ способовъ, которыми мнѣ удалось снискать расположеніе жителей, оказавшихъ мнѣ великое довѣріе, я узналъ, хотя и косвенно, что полкъ генерала Конопки формируется въ Слонимѣ, а другіе полки—формируются въ его окрестностяхъ; кромѣ того, что австрійскій генералъ Мооръ (Moore), отброшенный храбрымъ генераломъ графомъ О'Руркомъ, находился въ Мостахъ съ 2,000 человѣкъ и что генералъ Домбровскій стоялъ вдалекѣ. Эти данныя подали мнѣ поводъ испросить позволеніе у генерала Сакена (которому я сообщилъ всѣ полученныя мною свѣдѣнія) двинуться на Слонимъ. Вслѣдствіе этого, генералъ Сакенъ исходатайствовалъ у адмирала согласіе на небольшое движеніе впередъ, для выясненія себѣ положенія непріятеля. Пользуясь этимъ дозволеніемъ, я совершилъ наступленіе и захватилъ генерала Конопку въ плѣнъ, равно какъ его офицеровъ и почти всѣхъ лицъ, составлявшихъ 3-й гвардейскій уланскій полкъ; кромѣ того, я овладѣлъ полковою казною и другими военными трофеями. Это движеніе и совершенное истребленіе гвардіи произвело всеобщую панику. Всѣ полки, расположенные въ окрестностяхъ, обратились въ бѣгство, а архивы Гродно и другихъ городовъ были перенесены въ Вильно. При этомъ я освободилъ свыше 15,000 рекрутовъ (конскриптовъ) и однимъ ударомъ парализовалъ формированіе полковъ въ Литвѣ, что могутъ засвидѣтельствовать адмиралъ, всѣ военные и жители. Не смотря на то, что я вполнѣ созналъ необходимость обладанія для насъ Слонимомъ лишь по его взятіи, однако-же, могли судить о важности его значенія, котораго до той минуты я не могъ предвидѣть. Послѣдствія доказали намъ, что городъ этотъ былъ не только необходимъ для военныхъ операцій, но что, кромѣ того, долженъ былъ служить средоточіемъ, изъ котораго мы могли разузнавать о всѣхъ движеніяхъ непріятеля. Иное освѣщеніе было придано нашимъ планамъ, и однажды утвердясь на этомъ посту, я находился какъ-бы въ положеніи слѣпаго, которому возвращено зрѣніе.

До взятія Слонима намъ не представлялось никакого средства съ точностію знать движенія непріятеля; мы не имѣли понятія о силахъ, поставленныхъ на всей операціонной линіи, о

положенія, въ которомъ находилась непріятельская армія, и даже относительно движенія нашей собственной. Занятіе этого поста, избавляя насъ отъ затрудненій, доставило мнѣ возможность получать свѣдѣнія о тѣхъ частностяхъ, которыя могли намъ пригодиться. Лишь по собраніи необходимыхъ данныхъ замѣтилъ я непростительную ошибку, сдѣланную непріятелемъ: онъ не занялъ Слонима болѣе значительными силами, дабы съ большою устойчивостью защищать этотъ важный постъ, также какъ и свою операціонную линію. Въ этомъ городѣ сознавалъ я возможность овладѣть непріятельскою операціонною линіею и могъ разсчитать выгодныя отъ того послѣдствія для Россіи и для окончанія этой кампаніи.

Не зная намѣреній адмирала и постоянно считая себя подчиненнымъ генерала Сакена, я подалъ ему рапортъ, съ извѣстіемъ о взятіи въ плѣнъ Конопки и о моихъ успѣшныхъ дѣйствіяхъ; въ то же время я указалъ ему на необходимость удержанія за нами Слонима. Въ это время я получилъ приказаніе возвратиться на прежнее мое мѣсто, такъ какъ я очутился отъ главной арміи на разстояніи болѣе 30 миль и могъ, подвергаясь опасности, быть отрѣзаннымъ, или разбитымъ; затѣмъ генералъ Сакенъ, находившійся въ Пружанахъ, тоже по полученіи приказанія направиться на Брестъ-Литовскъ, для дѣйствія противу двухъ соединенныхъ непріятельскихъ армій, не былъ въ силахъ болѣе меня поддерживать. Предвидя однако-же вредныя послѣдствія, которыя повлекли бы за собою очищеніе этого поста, я счелъ долгомъ сообщить мои соображенія и, принимая отвѣтственность на себя, рѣшился держаться до новаго приказанія. Генералъ Сакенъ, не смотря на перемѣну своего назначенія, пожелалъ поддержать мои представленія и послалъ мой подлинный рапортъ къ адмиралу Чичагову. Послѣдній, видя, что разсчетъ сдѣланъ на прочныхъ основаніяхъ, склонился на мою просьбу и былъ столь добръ, что прислалъ мнѣ не только письмо, въ которомъ одобрялъ мои поступки, но еще и приказъ, дававшій мнѣ право дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ, съ тою однако-же предосторожностью, чтобы не подвергать опасности славу нашихъ войскъ. Ссылаюсь на адмирала Чичагова, который отдастъ справедливость усердію, выказанному мною къ исполненію его приказанія. Вслѣдствіе онаго я держался шесть не-

дѣлъ, будучи удаленъ за тридцать миль отъ арміи, устроилъ изъ предосторожности магазины отъ Пружанъ до Слонима, на всѣхъ тѣхъ пунктахъ, на которыхъ армія должна была имѣть дневки на своемъ маршѣ, и въ томъ предположеніи, что она можетъ быть поставлена въ необходимость остаться на нѣкоторое время въ этомъ городѣ, я приказалъ наполнить преимущественно магазины въ Слонимѣ, чтобы удовлетворить всѣмъ нуждамъ нашихъ войскъ. Эта предосторожность значительно содѣйствовала сохраненію нашей арміи, ускоряя переходы, которые могъ совершать адмиралъ, находившій заготовленія въ этомъ пунктѣ.

Адмиралъ Чичаговъ, одушевляемый усердіемъ къ точному исполненію повелѣній государя императора, обманулъ князя Шварценберга, противупоставивъ его арміи лишь генерала Сакена, самъ же со всею возможною быстротою направился для занятія Слонима.

Съ момента его прибытія туда, военныя дѣйствія противу главной непріятельской арміи приняли лучшій оборотъ.

По первому плану, предположенному адмираломъ, я съ моимъ авангардомъ направился на Дворже, Новогрудекъ и Свиржинъ, гдѣ долженъ былъ находиться непріятель. Главная армія, авангардомъ которой командовалъ графъ Ламбертъ, должна была слѣдовать большою дорогою, по направленію къ Несвижу. Я уже сдѣлалъ два перехода, какъ получилъ приказаніе отступить и возвратиться въ Слонимъ, а генералу Воинову было поручено совершить это движеніе со своимъ корпусомъ. Перемѣна произошла вслѣдствіе того, что князь Шварценбергъ замѣтилъ, какъ адмиралъ Чичаговъ, выставивъ противъ него одного лишь генерала Сакена, съ половиною своей арміи взялъ дорогу на Слонимъ, и чтобы воспрепятствовать его дальнѣйшему пути, онъ направилъ на этотъ городъ свой летучій корпусъ.

На основаніи сего, адмиралъ поручилъ мнѣ образовать его аріергардъ, приказавъ при этомъ слѣдить за нимъ и, удерживая австрійцевъ, маскировать его движеніе. Я принялъ всѣ мѣры къ обезпеченію его дѣйствій и движеній для соединенія арміи и имѣлъ счастіе исполнить это съ бо̀льшею легкостію, нежели смѣлъ надѣяться. Я ясно видѣлъ, что генералъ Сакенъ, замѣтивъ, съ своей стороны, что князь Шварценбергъ заманиваетъ его корпусомъ генерала Ренье и хочетъ поставить армію въ затрудни-

тельное положеніе, употребить всѣ усилія для истребленія этого генерала, — и что движеніе Сакена должно остановить князя Шварценберга. Все это дало мнѣ возможность предугадать, что мнѣ удастся съ легкостью отбросить непріятеля за Ружаны и Волковискъ и усиленными маршами присоединиться къ главной арміи въ Несвижѣ. Должно сознаться, что генералъ Сакенъ не переставалъ маневрировать у насъ въ тылу, самымъ энергичнымъ и разумнымъ образомъ, въ продолженіе всей этой кампаніи. Было бы здѣсь умѣстнымъ отдать справедливость нѣкоторымъ лицамъ гражданскаго вѣдомства Слонимскаго повѣта, за оказанныя мнѣ ими услуги; я долженъ сознаться, что безъ ихъ содѣйствія я не имѣлъ бы возможности совершить столь быстро мое присоединеніе къ главной арміи, не находя ничего на пути, по которому она прошла. Въ особенности я обязанъ окружному начальнику Бронскому и еще одному господину, имени котораго не помню, и беру смѣлость обратить вниманіе его императорскаго величества на этихъ достойныхъ гражданъ; слонимскій раввинъ точно также заслуживаетъ отличія, ибо онъ помогалъ мнѣ, подвергая опасности свою жизнь, съ усердіемъ вѣрноподданнаго государя императора.

По прибытіи въ Несвижъ, распоряженія адмирала состояли въ томъ, чтобы: генералъ графъ Ламбертъ, поддерживаемый силами главной арміи, совершилъ движеніе чрезъ Свержинъ и Кайдановъ на Минскъ, тогда какъ генералъ Воиновъ на лѣвомъ флангѣ, а я на правомъ, дѣлали видъ, будто хотимъ отрѣзать непріятеля, стоявшаго тогда въ Кайданахъ и Минскѣ; кромѣ того, въ случаѣ, если бы этотъ городъ достался намъ, чтобы я продолжилъ мой маршъ, наблюдая направленіе между Игуменомъ и Борисовымъ, и заставилъ генерала Домбровскаго переправиться черезъ рѣку Березину.

Лишь благоразумнымъ распоряженіямъ главнокомандующаго и дѣятельности генерала графа Ламберта обязаны мы успѣшнымъ пораженіемъ непріятеля подъ Свержинымъ, Кайдановымъ и взятіемъ Минска. Разъ этотъ городъ былъ въ нашихъ рукахъ, послѣдующія движенія вплоть до рѣки Березины не могли не имѣть желаемаго успѣха. Наконецъ, внезапная и полная отваги атака генерала графа Ламберта была причиною, что Борисов-

скій тетъ-де-понъ достался во власть нашей арміи, а непріятель очистилъ берега Березины.

Вскорѣ по полученіи извѣстія о взятіи Борисова и послѣ того, какъ генералъ графъ Ламбертъ имѣлъ несчастіе быть раненымъ, адмиралъ Чичаговъ возложилъ на меня предводительство обоихъ авангардовъ. Адмиралъ со своею главною квартирою находился тогда въ Антополѣ. По полученнымъ извѣстіямъ непріятель былъ замѣченъ у насъ въ тылу и находился въ Плещеницѣ, это обстоятельство требовало разслѣдованія. Адмиралъ возложилъ эту обязанность на меня, съ приказаніемъ возвратиться сколь возможно скорѣе, чтобы принять начальствованіе надъ авангардомъ. Не говорю о причинахъ, ибо ненавижу сплетни.

Кратвость этой записки не дозволяетъ мнѣ входить во всѣ подробности; мнѣ легко было-бы изобличить злыхъ и недоброжелательныхъ людей и разубѣдить тѣхъ, которые не вѣдали истины или увлеклись предубѣжденіами и порицали того, который по своему усердію и ревностному желанію осуществить планъ, начертанный его императорскимъ величествомъ, боялся одного, — это пропустить моментъ, въ который слѣдуетъ сразиться со врагомъ и исполнить свой священный долгъ, не заботясь о собственной жизни и чести, дабы выполнить повелѣнія своего государя.

Адмиралъ рѣшился перейти Борисовскій мостъ, думая, что непріятельская великая армія находилась еще за Днѣпромъ и что, дѣлая движеніе впередъ, онъ могъ присоединиться къ графу Витгенштейну между Днѣпромъ и Березиною. Вслѣдствіе этихъ предначертаній произошла ошибка послѣ взятія Борисова,—ошибка, имѣвшая столь маловажныя послѣдствія и оказавшаяся тѣмъ болѣе простительною, что адмиралъ предпочелъ предписать ее скорѣе себѣ, нежели допустить, чтобы винили кого либо другаго.

Ланжеронъ былъ уже на противоположномъ берегу рѣки. Графу Ланжерону, генералу Воинову и князю Щербатову нѣтъ извиненій, но генералъ Сабанѣевъ, какъ лице, принадлежавшее штабу, заслуживалъ быть преданнымъ военному суду.

Возвращаюсь къ дѣлу, а именно къ тому времени, когда наступила для нашей арміи самая важная эпоха кампаніи 1812 года. Нахожусь въ нѣкоторомъ затрудненіи, желая выставить обстоятельства, тогда сложившіяся, въ ихъ настоящемъ свѣтѣ,

ибо въ мои намѣренія не входитъ ни оцѣнка заслугъ адмирала, ни разборъ дѣйствій тѣхъ, которые пренебрегли исполненіемъ своего долга; предоставляю эту задачу историку, довольствуясь справедливымъ изображеніемъ состоянія вещей, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находились, нисколько не отдаляясь отъ моего поста.

Адмиралъ перешелъ мостъ со всѣми частями, находившимися на другомъ берегу рѣки, на половину его сжегъ и занялъ высоты напротивъ города. Этого рода неудача не только не повредила намъ, но, по моему, имѣла выгодныя послѣдствія, ибо дала намъ возможность слѣдить за операціями непріятеля и знать его движенія. Самъ адмиралъ не зналъ обо всѣхъ счастливыхъ событіяхъ, побудившихъ непріятеля къ столь поспѣшному отступленію.

Въ тотъ же вечеръ Чичаговъ, замѣтивъ приближеніе непріятеля, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы остановить его наступленіе. Дѣло было въ томъ, чтобы сначала узнать о главномъ пунктѣ, на который непріятель направлялъ свои операціи, и это было самою трудно-разрѣшимою задачею. Мы думали сначала, одну минуту, что болѣе разумнымъ дѣломъ со стороны непріятеля было-бы форсировать минскую дорогу, и чтобы воспрепятствовать тому, адмиралъ рѣшился занять съ главными силами своей арміи теть-де-понъ и направить различные отряды по его правую и лѣвую сторонамъ. Мнѣ былъ предоставленъ выборъ и я взялъ сторону Брилей; тогда генералъ графъ О'Рурнъ былъ назначенъ для наблюденія надъ правою стороною и для движенія къ городу Березину. Я тотчасъ же отправился къ Брилямъ, пославъ одинъ кавалерійскій отрядъ къ Зембину, подъ командою генерала Уманца, дабы онъ наблюдалъ за Плещеницей, а другой къ Веселову, состоявшій изъ егерскаго полка, 4 орудій и двухъ казачьихъ полковъ, подъ командою генерала Корнилова; остальныя войска находились со мною на Брильскихъ высотахъ.

Движенія непріятеля приняли рѣшительный характеръ; операціи нашей главной арміи и той, которая находилась подъ начальствомъ графа Витгенштейна, намъ были неизвѣстны, не смотря на то, что я приложилъ къ тому всѣ старанія и посылалъ мои рапорты этому главнокомандующему. Одинъ унтеръ-офицеръ гвардейскаго уланскаго полка привезъ мнѣ пакетъ, который я сталъ читать, не обративъ вниманія, что онъ былъ предназначенъ

главнокомандующему; замѣтивъ это лишь по его прочтеніи, я узналъ, такимъ образомъ, что въ немъ заключалось извѣщеніе адмиралу, что онъ долженъ, наблюдая за непріятельскою арміею, препятствовать ей взять дорогу на Игуменъ. Я уже сказалъ, что инструкція, данная адмиралу, ограничивалась приказаніемъ употребить всѣ усилія къ истребленію непріятельской арміи и потому онъ поспѣшилъ исполнить приказаніе генералъ-фельдмаршала всѣхъ армій, тѣмъ болѣе, что извѣщеніе, полученное имъ отъ графа Витгенштейна, было таковаго же содержанія. Поэтому, онъ сдѣлалъ движеніе вправо, оставивъ графа Ланжерона при теть-де-понѣ Борисова. Все это происходило 12 (24) ноября. Къ вечеру того же дня, я былъ почти увѣренъ, что непріятель приложитъ всѣ старанія, чтобы совершить переправу на тѣхъ пунктахъ, которые я занималъ, или близь Брилей, или близь Веселова, ибо я видѣлъ, спрятавшись за кустарниками на берегу рѣки, собственными глазами, какъ французы обозрѣвали этотъ постъ и подъ предлогомъ водопоя лошадей, которыя были все тѣ же, они мѣняли людей, дѣлавшихъ наблюденія. Въ это время я получилъ отъ графа Ланжерона приказаніе покинуть посты Зембина, Веселова и Брилей, и сколь возможно скорѣе перейти на позицію, занятую тогда имъ самимъ. Однако же, удостовѣрясь въ необходимости держаться на этихъ мѣстахъ, я осмѣлился остаться, о чемъ и донесъ генералу графу Ланжерону, сообщая ему мои замѣчанія и испрашивая дозволенія сохранить за собою мой постъ. Послѣдовавшее затѣмъ второе приказаніе предписывало мнѣ двинуться съ нѣкотораго рода отвѣтственностью за мое промедленіе и явиться тотчасъ-же для занятія поста, первоначально мнѣ назначеннаго. Видя себя въ столь отчаянномъ положеніи, но опираясь на мое убѣжденіе и одобреніе со стороны адмирала, я рѣшился, рискуя подвергнуться отвѣтственности, удержать за собою позицію, до возвращенія моего адъютанта, котораго я послалъ къ адмиралу съ увѣдомленіемъ о моихъ дѣйствіяхъ.

Къ вечеру 13 (25) ноября я замѣтилъ необыкновенное движеніе въ войскахъ; громадные костры обнаруживали скопленіе большихъ массъ, но такъ какъ занимаемая мною позиція была ниже непріятельской, то я не могъ правильно судить о ней и для этого, въ ночь съ 13 на 14, приказалъ переправиться вплавь

300 казакамъ, подъ командою полковника Мельникова, чтобы выслѣдить дѣйствія непріятеля и привести мнѣ нѣсколько плѣнныхъ, или, за неимѣніемъ таковыхъ, помѣщика, или управителя (старосту) деревни, расположенной на противуположномъ берегу рѣки. Полковникъ Мельниковъ превосходно выполнилъ возложенное на него порученіе; онъ не только взялъ многихъ плѣнниковъ, но привелъ ко мнѣ еще и управителя деревни, лежащей на сторонѣ Веселова. Отъ плѣнныхъ я узналъ, что вся армія находится между Старымъ и Новымъ Борисовымъ; что имъ неизвѣстно, гдѣ должна произойти переправа; что они ожидаютъ, однако-же, общаго движенія на 14 число. Управитель, въ свою очередь, сказалъ мнѣ, что непріятель распорядился постройкою двухъ мостовъ, и онъ полагаетъ, что они будутъ наведены у Брилей, или у Веселова. Я получилъ эти свѣдѣнія въ часъ по полуночи съ 13 (25) на 14 (26). Морозы наступили такъ внезапно, что болота отвердѣли какъ поляны и по рѣкѣ пошелъ ледъ. Положеніе мое сдѣлалось критическимъ и надобно было остановиться на какомъ нибудь рѣшеніи.

Я разсчиталъ, что, владѣя Зембиномъ, буду имѣть достаточно времени, чтобы сжечь мостъ, а уничтоживъ плотины, отрѣжу путь непріятелю.

На что могъ я надѣяться въ этомъ случаѣ? У меня не было достаточно силъ, чтобы не дозволить непріятелю построить мостъ и даже въ случаѣ, еслибы онѣ были значительнѣе, мѣстность не представляла удобствъ къ воспрепятствованію ихъ намѣренію, ибо высоты находились на ихъ сторонѣ, а болота по берегамъ рѣки совершенно замерзли; кромѣ того, я подвергался опасности быть опрокинутымъ и принужденнымъ открыть дорогу на Минскъ, бывшую, по моему мнѣнію, единственною пригодною непріятелю, ибо, достигнувъ этого пункта, онъ могъ легче приблизиться къ арміи князя Шварценберга, а соединясь они спокойно дошли-бы до Вильно, гдѣ находились большіе, всякаго рода, магазины, что оживило-бы и подкрѣпило ихъ силы, а насъ, пожалуй, принудило-бы окончить кампанію.

Это соображеніе побудило меня вернуть отрядъ изъ Зембина и приказать ему занять постъ у Брилей, гдѣ я въ различныхъ мѣстахъ разставилъ много орудій, чтобы мѣшать построенію моста.

14 (26) ноября, въ 7 часовъ утра, непріятель двинулъ свои колонны; застрѣльщики начали переходить на мою сторону, я ихъ опрокинулъ, а работавшіе надъ мостомъ были отброшены назадъ моими пушками. Черезъ четверть часа непріятель поставилъ на высотахъ 50 орудій большаго калибра. Эта огромная батарея заставила меня покинуть всѣ мои посты и, чтобы не подвергать людей безполезно опасности, я поставилъ ихъ въ лѣсу, находившемся вблизи позиціи. Непріятель переправилъ небольшія силы, которыя были атакованы и опрокинуты.

Тотчасъ по окончаніи постройки моста, маршалъ Удино перешелъ первый и напалъ на меня; я отстаивалъ мою позицію шагъ за шагомъ до вечера, не смотря на превосходство его силъ, и имѣлъ счастіе остановить его предъ деревнею Студянкою, которую я занялъ; мною было захвачено 380 плѣнныхъ, между которыми были 8 офицеровъ и одинъ капитанъ гвардіи.

Послѣ остановки непріятеля, генералъ графъ Ланжеронъ прибылъ съ своего поста ко мнѣ; я ему доложилъ обо всемъ происшедшемъ и сдалъ плѣнныхъ, отъ которыхъ онъ узналъ, что вся армія императора Наполеона сюда собирается.

На другой день 15 (27) числа, адмиралъ, увѣдомленный моимъ адъютантомъ и убѣдясь въ истинѣ моихъ наблюденій, рѣшился приказать войскамъ идти назадъ и лично прибыть ко мнѣ на аванпосты. По его пріѣздѣ, я отдалъ ему подробный отчетъ въ моихъ дѣйствіяхъ и онъ приказалъ мнѣ атаковать непріятеля на зарѣ, присовокупивъ еще, что поддержитъ меня всѣми своими силами. Покуда, присоединивъ къ отряду нѣсколько полковъ, онъ отдалъ ихъ въ мое распоряженіе и обѣщалъ остальныя силы корпуса такъ поставить, чтобы онѣ слѣдовали за мною въ колоннахъ для поддержки.

Въ силу приказанія адмирала, я сдѣлалъ свои распоряженія, раздѣливъ мои войска на три части. Первая, подъ командою генерала Рудзевича, должна была тѣснить и опрокинуть французскіе аванпосты. Вторая и третья, назначенныя для поддержки первой, должны были слѣдовать въ колоннахъ, съ нѣкоторымъ количествомъ кавалеріи, подъ начальствомъ генераловъ Корнилова и Мещеринова. Артиллерія была разставлена на большой дорогѣ, четырехъ орудійными батареями, подъ прикрытіемъ Павлоградскаго и двухъ драгунскихъ полковъ. Четвертая ко-

лонна, состоявшая изъ егерскихъ и двухъ кавалерійскихъ полковъ, одного казачьяго и четырехъ орудій, подъ командою полковника Красовскаго, должна была слѣдовать берегомъ Березины, лѣсомъ, чтобы помогать моему движенію и охранять мой правый флангъ, на случай какихъ либо покушеній со стороны непріятеля. Послѣ таковой диспозиціи войска тронулись въ путь.

Генералъ Рудзевичъ, не смотря на упорство непріятеля, опрокинулъ его первую цѣпь, и наши войска, поддерживаемыя генералами Корниловымъ и Мещериновымъ, всюду имѣли успѣхъ. Замѣтно было замѣшательство на всѣхъ пунктахъ непріятельской линіи и наши войска быстро подавались впередъ; полковникъ Красовскій достигъ дистанціи, съ которой онъ могъ дѣйствовать своею батареею и обстрѣливать насыпь, прилегавшую къ мосту. Этотъ огонь сдѣлался жестокимъ и много причинилъ вреда непріятелю. Все шло хорошо и не знаю, каковъ былъ-бы исходъ дѣла, если бы я не былъ внезапно смущенъ обстоятельствами, которыя и принужденъ разъяснить. Когда я имѣлъ счастіе видѣть главнокомандующаго на моихъ аванпостахъ и онъ отдалъ мнѣ приказаніе атаковать непріятеля, то спросилъ у него: должно-ли предстоящее дѣло быть ведено мною, или кѣмъ либо другимъ? Онъ увѣрилъ меня, что прибудетъ самъ, чтобы поддерживать меня всѣми своими силами, но что дѣйствовать надобно будетъ по диспозиціямъ, имъ одобреннымъ.

Вслѣдствіе этихъ диспозицій, остальныя войска, выстроясь въ колонны, должны были слѣдовать издалека и оставаться въ массѣ, покуда въ нихъ не настоитъ надобности.

16 (28) числа герцогъ Реджіо-Удино двинулся на насъ и сраженіе началось. Князь Понятовскій и герцогъ Эльхингенскій Ней были принуждены принять участіе въ дѣлѣ. Въ началѣ его, чрезъ адъютанта адмирала, я получилъ извѣстіе, что колонны тронулись въ путь и слѣдуютъ за мною; это меня успокоило, такъ какъ я былъ увѣренъ, что буду поддержанъ всѣми силами.

Каково же было мое удивленіе, когда вдругъ я услышалъ за собою крикъ „ура!", барабанный бой и увидѣлъ разсыпавшихся людей, въ видѣ застрѣльщиковъ. Я послалъ справиться, какія это войска и мнѣ отвѣтили, что крики доносились изъ колоннъ, посланныхъ въ разсыпную въ лѣсъ. Я возвратился къ войскамъ, предлагалъ, приказывалъ, наконецъ настаивалъ, что-бы ихъ опять

построили въ колонны, но всѣ начальники отвѣчали, что они дѣйствуютъ по приказаніямъ, ими полученнымъ. Вслѣдствіе этого я постарался найти генерала Воинова, которому сообщилъ какія неудобства предвидятся мною и должны неизбѣжно произойти отъ такихъ распоряженій. Генералъ отвѣтилъ мнѣ, что это приказаніе отдалъ генералъ Сабанѣевъ и уже невозможно поправить зло; поэтому я повсюду искалъ генерала Сабанѣева, но за невозможностью его найти и зная, что дѣло требуетъ моего присутствія впереди, я отправился къ своему посту.

Да будетъ мнѣ дозволено сдѣлать одно замѣчаніе: мнѣ извѣстна степень подобающаго уваженія каждому чину; знаю я, точно также, насколько долженъ быть уважаемъ начальникъ штаба; знаю и то, что онъ самое приближенное лицо къ главнокомандующему; но вмѣстѣ съ тѣмъ, сомнѣваюсь, чтобы, находясь въ дѣлѣ, было возможно для пользы службы отдавать приказанія, не сообщая ихъ командующему генералу и не переговоривъ съ нимъ, для соглашенія въ дѣйствіяхъ. Въ данномъ случаѣ не идетъ рѣчь о личномъ самолюбіи, но я совѣтую только самую существенную вещь,—то есть общее согласіе.

Мысль генерала Сабанѣева: ввести непріятеля въ заблужденіе, заставивъ его думать, что у насъ весьма значительныя силы, могла быть столь-же сообразна съ обстоятельствами, сколько и счастливо задумана, но ее иначе слѣдовало привести въ исполненіе. Не знаю, впрочемъ, можетъ-ли когда существовать случай, вызывающій необходимость разрознивать резервъ, чтобы устрашить непріятеля.

Велѣно было бить въ барабаны, но не разсыпаться.

Послѣ дѣла я узналъ, что адмиралъ приказалъ войскамъ, для поддержанія авангарда, слѣдовать въ колоннахъ и съ барабаннымъ боемъ. Если бы этотъ приказъ былъ въ точности исполненъ, послѣдствія были-бы прекрасныя, тѣмъ болѣе, что погода стояла сухая, холодная, и звукъ барабановъ, разносясь по лѣсу, могъ причинить большой гулъ и произвести впечатлѣніе на непріятеля. Но, повидимому, начальникъ главнаго штаба полагалъ, что его мысль удачнѣе, приказавъ кричать ура и бѣжать въ разсыпную.

По мѣрѣ приближенія къ центральному пункту расположенія непріятеля, дѣйствія наши затруднялись; французы, заслышавъ

крики, барабанный бой, и, имѣя въ своемъ распоряженіи плоскую возвышенность у Брилей, съ которой были видны наши движенія, открыли на угадъ адскій огонь, до того опустошительный, что, разсѣкая деревья, они наносили обломками значительный вредъ нашимъ людямъ. Однако, не смотря на наше положеніе, мы продолжали подаваться впередъ, до двухъ часовъ дня, и были уже очень близко къ главнымъ силамъ непріятельской арміи, какъ вдругъ, желая остановить наши успѣхи, французы пустили на нѣсколькихъ пунктахъ кавалерію въ атаку и начали наступленіе колонной пѣхоты.

Эта кавалерійская атака произвела тѣмъ сильнѣйшее дѣйствіе, что солдаты, которые должны были поддерживать меня, будучи разсыпаны по лѣсу, начали стрѣлять въ тылу, такъ что я попалъ между двухъ огней и это породило нѣкоторое замѣшательство.

Я долженъ сознаться, что непріятельская атака была внезапная, и мнѣ самому пришлось лично участвовать въ битвѣ, равно какъ моимъ адъютантамъ и ординарцамъ. Генералъ Воиновъ получилъ сильную контузію: подъ нимъ, также какъ подо мною и подъ княземъ Меншиковымъ, были убиты лошади; я получилъ ударъ по головѣ, что не помѣшало мнѣ продолжать дѣло. Князь Щербатовъ былъ окруженъ и отрѣзанъ непріятелемъ; его выручилъ эскадронъ павлоградцевъ, бывшій при мнѣ. Особенно удивительно, что въ столь достопамятный день непріятель имѣлъ надъ нами перевѣсъ благодаря своей кавалеріи, что съ нашею же конницею мнѣ удалось возстановить порядокъ, продолжать дѣло и, въ добавокъ, все это происходило въ лѣсу.

Непріятель захватилъ нѣсколькихъ плѣнныхъ изъ числа тѣхъ, которые разсыпались по лѣсу, точно также какъ и мы, съ нашей стороны; но мы вовсе не были ни опрокинуты, ни преслѣдуемы, какъ то утверждаютъ различныя реляціи, и если наша потеря простиралась до 2,000 человѣкъ, то уронъ непріятеля былъ гораздо значительнѣе. Доказательствомъ успѣха атаки служитъ еще и то, что было убито и ранено столько отличныхъ непріятельскихъ генераловъ, а по сознанію плѣнныхъ—два корпуса, употребленные въ началѣ этого дѣла, были совершенно истреблены. Маршалъ герцогъ Реджіо, генералъ Ле-Гранъ, генералъ Заіончекъ и генералъ Домбровскій были ранены, равно и генералъ Клапаредъ и Княжевичъ.

Заключеніе дѣла при Березинѣ.

Не знаю, съ какой точки зрѣнія долженъ я смотрѣть на дѣла 14-го (26-го) и 16-го (28-го) ноября, но дабы правильно отнестись къ себѣ и быть въ состояніи дать вѣрное понятіе тому, кто пожелалъ бы прочитать эту записку, мнѣ слѣдуетъ отважиться развить планъ государя и разсчеты главнокомандующаго.

За нѣсколько времени до обоихъ дѣлъ, я имѣлъ честь говорить съ главнокомандующимъ и нашелъ его проникнутымъ мудростью плана и увѣреннымъ, что успѣхъ зависѣлъ единственно отъ исполненія его въ точности всѣми соучастниками, т. е. отъ прибытія генерала графа Витгенштейна и отряда генерала Эртеля. Слѣдовательно, дѣло заключалось лишь въ томъ, чтобы ускорить дѣйствія и овладѣть мостомъ у Борисова, гдѣ несомнѣнно должно было произойти соединеніе.

Я вполнѣ сознавалъ, что разъ произойдетъ это соединеніе, то наша армія будетъ достаточно сильна, чтобы нанести рѣшительный ударъ арміи Наполеона.

Адмиралъ, полный энергіи, поспѣшилъ, чтобы занять Борисовскій мостъ; можно судить о его удивленіи, когда, по своемъ прибытіи, онъ не нашелъ ни корпуса генерала графа Витгенштейна, который могъ быть занятъ тогда другими дѣлами, ни генерала Эртеля, избавившагося уже отъ генерала Домбровскаго и который не могъ болѣе встрѣтить препятствій, разрѣшающихъ ему не исполнить полученныхъ имъ приказаній.

Вся сила адмирала ограничивалась 15,000 человѣкъ пѣхоты и отъ 8 до 9,000 человѣкъ кавалеріи, и съ этою-то слабою арміею онъ былъ поставленъ въ необходимость препятствовать переправѣ.

Если-бы знали съ точностью тотъ пунктъ, который будетъ избранъ непріятельскою арміею для ея переправы, адмиралъ могъ-бы употребить всѣ свои войска и рѣшиться пожертвовать всѣмъ, чтобы за дорогую цѣну продать непріятелю счастіе пробить себѣ дорогу; но надобно было имѣть надзоръ повсюду и надъ всѣми пунктами, и, слѣдовательно, стараться образовать различные отряды. Онъ находился въ этомъ критическомъ положеніи, когда прибыло письмо графа Витгенштейна.

До этого времени главнокомандующій Чичаговъ не имѣлъ никакихъ сношеній ни съ графомъ Виттенштейномъ, ни съ главной арміей; ему невозможно было судить о движеніяхъ непріятеля, ибо онѣ были скрыты самимъ непріятелемъ. Какимъ же образомъ могъ онъ постигнуть, какое направленіе принимаетъ его армія? Адмиралу по этому ничего не оставалось дѣлать, какъ приблизиться къ тѣмъ, которые могли дать ему точныя на то указанія. Съ минуты движенія адмирала вправо, что̀ оставалось дѣлать намъ? Будучи увѣренъ, что непріятель наведетъ мостъ предъ занимаемымъ мною пунктомъ, я дѣйствовалъ-бы непослѣдовательно и какъ офицеръ, мало знакомый со своимъ ремесломъ, если бы, ради дешевой славы, вздумалъ серьезно оспаривать то, чего никоимъ образомъ поддержать не могъ и рискуя истребленіемъ всѣхъ полковъ, бывшихъ подъ моимъ начальствомъ. Слѣдовательно, мнѣ надлежало рѣшиться на то, что мнѣ подобало, и беречь своихъ людей, чтобы отстаивать Борисовскую дорогу до прибытія адмирала, въ чемъ я и имѣлъ удовольствіе успѣть.

Когда адмиралъ прибылъ на аванпосты, чтобы повидаться со мною, я нашелъ его крайне огорченнымъ тѣмъ, что планъ государя императора не могъ быть приведенъ въ исполненіе, въ виду невѣроятности успѣха малыми силами, которыми онъ располагалъ, и что атака, назначенная на слѣдующее утро, не могла быть удачною и остановить непріятельскую армію, даже предполагая, что графъ Витгенштейнъ въ то же время сдѣлаетъ усиліе, чтобы напасть на непріятеля. Поэтому-то я и предложилъ адмиралу производить атаки и развлекать непріятеля до двухъ часовъ, а послѣ этого начать атаку колонною съ резервами. Если-бы это удалось, мы имѣли-бы существенную выгоду, въ противномъ случаѣ не рисковали-бы ничѣмъ, ибо намъ пришлось-бы сражаться со всѣми нашими силами не болѣе двухъ часовъ времени, въ виду краткости дня, и лѣсъ помогъ-бы нашему отступленію. Такой планъ мнѣ нравится, такъ какъ я былъ увѣренъ, что графъ Витгенштейнъ, со своей стороны, задумываетъ движеніе, которое облегчитъ наши дѣйствія, что, въ концѣ-концовъ, онъ и сдѣлалъ. Адмиралъ одобрилъ планъ и прибавилъ, чтобы я отдѣлилъ еще одинъ малый отрядъ на нашъ лѣвый флангъ для постояннаго наблюденія надъ Зембинскою дорогою, дабы мы могли

имѣть свѣдѣнія о непріятельскихъ войскахъ, этимъ путемъ идущихъ.

Все изложенное убѣждаетъ въ томъ, что адмиралъ уже тогда считалъ немыслимымъ совершенно истребить французскую армію, когда внутри Россіи полагали это возможнымъ; но онъ хотѣлъ нанести непріятельской арміи такого рода уронъ, который могъ быть ей гибельнымъ, а впослѣдствіи довести ее до полнаго разстройства, въ чемъ мы и успѣли. Считаю обязанностью прибавить еще, что операціонный планъ былъ такъ разумно составленъ, что, не смотря на всѣ сдѣланныя ошибки, французская армія, оттѣсненная на другую сторону Березины, уже считала себя погибшею, имѣя еще подъ ружьемъ 95,000 человѣкъ и находясь на разстояніи 3 или 4 переходовъ отъ нашей главной арміи; этимъ обязаны только точному исполненію плана адмираломъ.

Что же изъ этого слѣдуетъ и какой приговоръ произнесетъ безпристрастный военный? Что все сіе было слѣдствіемъ крайней точности, приложенной адмираломъ къ исполненію повелѣній своего государя, и самоотверженія войскъ, находившихся подъ его предводительствомъ.

Наперекоръ малосвѣдущимъ людямъ доказано, что переправа черезъ Березину никогда не изгладится изъ памяти французской націи и, тогда какъ наши войска пріобрѣли въ ней славу, для непріятельской арміи она будетъ лишь печальнымъ воспоминаніемъ о потерѣ такихъ отличныхъ офицеровъ и о траурѣ, въ который облеклись всѣ семьи послѣ нея. Переправа послужитъ еще урокомъ для военныхъ, какъ доказательство, что одною храбростью солдата, признаннымъ мужествомъ офицеровъ, военными дарованіями маршаловъ и генераловъ нельзя поддержать армію при перемѣнѣ счастія, но лишь нравственная сторона ея создаетъ дисциплину и не ради внѣшности, чтобы тяготѣть надъ человѣкомъ, но по принципу чести, который возвышаетъ душу надъ невзгодами, сближаетъ и связываетъ насъ для борьбы и заставляетъ блюсти честь государя, народа, арміи, а не частныхъ лицъ.

Преслѣдованіе непріятеля до Вильно и внѣ границы.

Въ то время, когда еще шло дѣло при Березинѣ, адмиралъ отдалъ приказаніе графу О'Рурку собрать всѣ малые отряды, разбросанные вправо отъ него, и идти съ ними къ тому мѣсту, на которомъ находился онъ самъ.

Въ силу этихъ распоряженій я направился на Брили, гдѣ мы провели ночь, армія слѣдовала за нами и при ней находился адмиралъ Чичаговъ вмѣстѣ со своею главною квартирою. Въ Бриляхъ главнокомандующій словесно приказалъ мнѣ преслѣдовать непріятеля съ величайшимъ усиліемъ, дабы его утомить и истребить, и тамъ же онъ освѣжилъ мои силы многими полками, въ которыхъ я имѣлъ надобность для экспедиціи подобнаго рода.

Доброта адмирала простиралась далѣе моихъ просьбъ: онъ далъ мнѣ генерала графа О'Рурка, столь извѣстнаго своею храбростью и неутомимою дѣятельностію. Этотъ генералъ, во все продолженіе преслѣдованія, не переставалъ выказывать мнѣ величайшую свою преданность службѣ.

Вслѣдствіе приказаній адмирала, я выступилъ на слѣдующій день, и хотя нашелъ мостъ въ Зембинѣ разрушеннымъ, но это препятствіе меня ни на минуту не остановило. Я дошелъ до Зембина и прослѣдовалъ-бы еще далѣе, если бы не былъ стѣсненъ войсками генерала Платова, шедшими по тому же направленію; это доказываетъ, что уничтоженіе моста не могло воспрепятствовать непріятелю, также какъ и намъ, двигаться по этой дорогѣ.

Въ слѣдующій и послѣдующій дни мнѣ одинаково мѣшали и я не могъ протѣсниться. Единственная выгода, которую я извлекъ, заключалась въ томъ, что на второй день моя кавалерія имѣла счастіе напасть на непріятельскую и захватить нѣсколько штандартовъ и между ними одинъ кирасирскій, съ надписью: „Аустерлицъ, Прейсишъ-Эйлау, Ваграмъ". Я имѣлъ честь отослать его къ Чичагову чрезъ князя Меншикова, флигель-адъютанта его императорскаго величества, препоручая ему увѣдомить адмирала, что я не въ состояніи буду исполнить его желанія, если меня будутъ стѣснять въ моихъ предпріятіяхъ.

Непріятель остановилъ насъ въ Плещеницѣ своею кавалеріею и артиллеріею. Графъ О'Руркъ произвелъ атаку нѣсколь-

кими эскадронами павлоградцевъ и опрокинулъ непріятеля; холодъ усилился и хотя мы захватили много пушекъ и значительное число плѣнныхъ, но преслѣдованіе совершалось все-таки медленно. Тогда я счелъ своею обязанностію написать рапортъ къ главнокомандующему, чтобы побудить его къ отклоненію этихъ неудобствъ, и отправилъ его съ маіоромъ Храповицкимъ, офицеромъ, столь же знающимъ, насколько усерднымъ и дѣятельнымъ.

Адмиралъ настигъ насъ лично, впереди Молодечны, гдѣ непріятель пріостановилъ наше движеніе, и я получилъ приказаніе одинъ оставаться при авангардѣ и преслѣдовать непріятеля.

Надѣюсь, что если я съ этого времени дозволялъ себѣ лишь нѣсколько часовъ отдыха, то у непріятеля ихъ было еще менѣе; преслѣдуемый, тревожимый, изнуренный усталостью и безсонницами, онъ постоянно несъ потери въ своихъ войскахъ, остававшихся на дорогѣ.

Въ началѣ моего преслѣдованія я старался собирать этихъ несчастныхъ, для отсылки ихъ въ главную квартиру, но по мѣрѣ моего движенія впередъ, я сообразилъ ихъ бѣдственное положеніе; число ихъ постоянно возрастало и съ тѣхъ поръ я не трудился даже брать ихъ въ плѣнъ, чтобы не отвлекать людей и не ослаблять своихъ силъ.

Я болѣе не останавливался до Сморгонъ, безпрестанно захватывая пушки, обозные фургоны и телѣги, и лишь близь этого мѣстечка у меня оспаривали дорогу, противупоставляя много пушекъ и пѣхоты.

Чтобы не терять времени, я внезапно направилъ на непріятеля кавалерійскую атаку, которую графъ О'Руркъ повелъ превосходно; не смотря на оказанное мнѣ сопротивленіе, дѣло окончилось разбитіемъ непріятеля; мы взяли 68 пушекъ и 2,800 человѣкъ плѣнныхъ съ ихъ оружіемъ.

Въ Сморгонахъ я узналъ, что императоръ Наполеонъ рѣшился покинуть армію и удалился въ сопровожденіи небольшаго кавалерійскаго конвоя подъ начальствомъ полковника Вонсовича; еще узналъ, что дивизія генерала Луазона, бывшая въ полномъ своемъ составѣ, прибыла изъ Вильно въ Сморгоны, чтобы прикрывать отступленіе усталыхъ и обезсиленныхъ французовъ.

Эта новость меня смутила и, думая, что мнѣ трудно будетъ вытѣснить непріятеля и даже продолжать мое преслѣдованіе

съ тою же силою, я увѣдомилъ адмирала о моемъ затруднительномъ положеніи и просилъ даже прислать генерала Мишô на случай, если найду препятствія въ Вильно; въ то же время я производилъ розыски, чтобы найти дорогу въ сторону, дабы могъ отрѣзать непріятеля и атаковать его съ фронта.

Такъ какъ дорога до Сморгонъ шла лѣсомъ, а морозъ заковалъ всѣ болота, мнѣ удалось съ двухъ сторонъ послать легкія войска въ тылъ непріятелю.

Генералы: Мещериновъ, Корниловъ, Уманецъ; полковники: графъ Левашевъ, Полторацкій, Красовскій, а главнымъ образомъ—графъ О'Руркъ, также и войска помогали мнѣ превосходно. Непріятельскій отрядъ былъ одновременно атакованъ съ фронта и съ тыла и до того ошеломленъ, что его совершенно истребили. Послѣ того мы преслѣдовали до Сморгонскихъ высотъ, на которыхъ находилась батарея изъ двѣнадцати орудій большаго калибра въ упряжи и съ зажженными фитилями. Артиллеристы, видя себя, такимъ образомъ, окруженными, спросили, гдѣ находится ихъ аріергардъ, и въ это время войска наши вошли въ городъ, который удивился увидя ихъ.

Я встрѣтилъ маркиза де-Кастри, адъютанта маршала Экмюльскаго, который спросилъ у меня, гдѣ находится ихъ авангардъ, а я, въ свою очередь, спросилъ, что̂ сталось съ ихъ генералами. Въ этотъ же день я взялъ въ плѣнъ генерала Россиньола, человѣка заслуженнаго и весьма разумнаго, множество экипажей, безчисленное количество пушекъ и массу плѣнныхъ.

Въ Сморгонахъ и Ошмянахъ наши войска почти совершенно истребили дивизію генерала Луазона, и съ этой поры преслѣдованіе сдѣлалось легче; я ускорялъ его изъ всѣхъ силъ и мнѣ не оставалось инаго рѣшенія, ибо иначе пришлось-бы умирать съ голоду, совершая это преслѣдованіе по дорогамъ вполнѣ раззоренныиъ, гдѣ я не могъ надѣяться запастись самымъ необходимымъ.

Наконецъ, послѣ быстрыхъ переходовъ, не останавливаемыхъ ни холодомъ, ни недостаткомъ въ провіантѣ и фуражѣ, войска наши вступили почти на плечахъ непріятеля въ предмѣстіе Вильно. Генералъ Ласкинъ, посланный мною съ отрядомъ, на такъ называемый Черный трактъ, прибылъ одновременно съ полковникомъ Сеславинымъ. Завязался упорный бой; непріятель

былъ такъ быстро тѣснимъ и наши пушки оказали столь поразительное дѣйствіе, что не только дорога къ Остро-Брамѣ была преграждена экипажами, пушками и лошадьми, но число мертвыхъ тѣлъ возрасло до такой степени, что я былъ принужденъ употребить три дня на расчистку дороги, чтобы по ней могъ проѣхать въ городъ главнокомандующій.

Въ тотъ же день я нашелъ случай ознакомить жителей города съ положеніемъ французовъ и возвѣстить имъ, что ихъ преслѣдуютъ войска его императорскаго величества, а потому городу необходимо остерегаться быть разграбленнымъ и раззореннымъ.

Опасаясь, чтобы отчаянное положеніе непріятельской арміи не заставило ее сдѣлать какія нибудь насилія, отъ которыхъ могъ-бы пострадать городъ, я отозвалъ войска изъ предмѣстій и графъ О'Рурвъ поставилъ ихъ наблюдать.

Ночью ко мнѣ пришелъ одинъ изъ жителей, желавшій узнать была ли эта атака произведена нашею арміею или партизанскими отрядами. Когда я его увѣрилъ, что арміею, онъ отправился оообщить эту вѣсть городу, причемъ я посовѣтовалъ ему предложить жителямъ баррикадироваться въ ихъ домахъ и держать непріятеля въ повиновеніи.

На другой день, на разсвѣтѣ, я съ моими войсками приблизился къ Остро-Брамѣ, гдѣ завязалось дѣло, въ которомъ у меня выбыло 300 человѣкъ убитыми и ранеными. Непріятельскія войска находились еще въ городѣ, когда, въ десять часовъ, было найдено мѣсто, гдѣ поврежденный частоколъ облегчалъ входъ въ него.

Разъ это открытіе было сдѣлано, я направилъ къ тому мѣсту часть нашей пѣхоты, давъ ей въ предводители господина Малиновскаго, офицера главнаго штаба, съ приказаніемъ войти въ городъ, не слишкомъ углубляясь внутрь, дабы не завязывать дѣло, но только показаться. Тотчасъ же непріятель увидѣлъ, что ему остается только поспѣшить выступленіемъ, и по мѣрѣ того, какъ онъ выходилъ изъ города, я подвигался впередъ и занялъ его.

Такъ совершилось взятіе Вильно, и городъ не могъ быть взятъ иначе, хотя генералъ Теттенборнъ и имѣлъ притязаніе на то, будто бы онъ взялъ городъ съ 200 казаковъ и двумя эскадронами гусаръ.

Если кому дозволено приписывать себѣ честь этой побѣды, то конечно мнѣ, во первыхъ, потому, что я преслѣдовалъ непріятеля и не переставалъ его тревожить, а во вторыхъ, у меня были достаточныя силы, чтобы угрожать ему.

Однако же я никогда не имѣлъ смѣлости говорить, будто я взялъ городъ; но утверждаю, что я занялъ его. Слѣдующее донесеніе, отправленное мною къ адмиралу, лучше выяснитъ это дѣло. „Спѣшу поздравить васъ со взятіемъ Вильно, которое я имѣлъ счастіе уберечь. Я нашелъ госпитали наполненные больными, много плѣнныхъ, до пятнадцати пушекъ, большое количество всякаго рода запасовъ, 11 или 12 главныхъ магазиновъ, наполненныхъ провіантомъ, и взялъ въ плѣнъ множество должностныхъ лицъ, разнаго рода, и захватилъ секретныя бумаги, но еще того болѣе нашелъ грязи, наводняющей улицы". Вѣрно то, что если я не приписываю себѣ заслугу взятія города, то, по крайней мѣрѣ, могу имѣть притязаніе на честь его сохраненія, ибо мнѣ было гораздо затруднительнѣе спасти всѣ магазины, съѣстные припасы, всякаго рода запасы и даже городъ, наводненный такимъ множествомъ народу, — нежели взять его, ибо непріятель былъ такъ добръ, что его очистилъ. Я былъ принужденъ три дня подъ рядъ оставаться подъ ружьемъ и защищать имущество жителей, а также и магазины. Мнѣ удалось отыскать казну, секретныя бумаги и я, по приказанію адмирала, отдалъ ихъ главнокомандующему князю Кутузову, съ исправнымъ спискомъ денежныхъ суммъ, бывшихъ въ распоряженіи городоваго управленія, а также и съ двумя боченками серебра, принадлежавшими непріятелю.

Предполагая, что я отказываюсь отъ чести взятія великаго числа плѣнныхъ, между которыми было много заслуженныхъ генераловъ, огромнаго числа пушекъ, значительной добычи, отъ самаго занятія Вильно, думаю однако же, что могу надѣяться на то, что никто не откажетъ мнѣ въ чести преодолѣнія препятствій, противупоставленныхъ мнѣ климатомъ и совершенною невозможностью добыть продовольствіе. Эти препятствія послужили главнымъ извиненіемъ непріятельской арміи.

Въ моемъ перѣ нѣтъ достаточныхъ силъ для начертанія въ ея истинномъ свѣтѣ ужасной картины страждущаго человѣчества, которая отъ Березинской переправы до Вильно представ-

лялась моимъ глазамъ. Воспоминаніе о ней для меня слишкомъ прискорбно, чтобы я могъ хладнокровно изложить все на бумагѣ; предоставляю этотъ трудъ перу болѣе привычному къ написанію во всей силѣ образа бѣдствія и отчаянія. Я ограничусь единственно замѣткою, что послѣ защиты правъ моего государя, я не могъ отказать въ чувствахъ жалости къ тѣмъ несчастнымъ, на которыхъ съ этой минуты я смотрѣлъ уже не какъ на враговъ, но какъ на жертвы, принесенныя непомѣрному властолюбію.

Наконецъ, послѣ взятія Вильно, непріятель былъ вытѣсненъ и въ теченіи четырехъ дней совершенно прогнанъ за черту нашихъ предѣловъ. Такъ-то наши войска, покрытыя славою, съумѣли защитить священныя права ихъ вѣры, ихъ государя и, глубоко тронутые милостію Превѣчнаго, мы пропѣли молебенъ въ свидѣтельство нашей признательности.

Заключеніе.

Результатъ этой кампаніи представляетъ вообще весьма любопытные факты для исторіи нынѣшняго вѣка. Съ одной стороны, видимъ счастливаго воина, вознесеннаго на степень государя, слѣпо полагающагося на свое счастіе и стремящагося всѣми своими силами къ завоеванію и покоренію отдаленнѣйшихъ странъ; видимъ, какъ онъ будто въ дремотѣ относится къ послѣдствіямъ и не обращаетъ никакого вниманія ни на свою операціонную линію, ни на правила осторожности, настоятельно требующія мѣропріятій спокойныхъ и разумныхъ.

Съ другой стороны является во всемъ своемъ блескѣ государь великодушный, благодѣтельный и справедливый, одушевляемый самыми рѣдкими чувствами, совѣщающійся лишь со способами, основанными на глубочайшей мудрости, для отклоненія роковаго удара, который готовился нанести его имперіи величайшій врагъ его народа. Эта мудрость внушила государю нашему планъ, увѣчавшійся самымъ блестящимъ успѣхомъ.

Военная исторія можетъ вывести изъ сего много умозаключеній; самое же главное, (къ образованію существеннаго правила), заключается въ изслѣдованіи не только крупныхъ ошибокъ того,

который, поработивъ почти всю Европу, задумалъ покорить своей власти Россійскую имперію,—но и въ разборѣ, во всей подробности, причинъ истребленія прекраснѣйшей, закаленной въ бояхъ, когда либо существовавшей въ Европѣ арміи.

Выводъ ясно докажетъ, что армія погибла не отъ морозовъ и голода, но источникъ всѣхъ золъ таился въ нравственной порчѣ ея вождя, распространившейся чрезмѣрно и на всѣхъ прочихъ.

Съ той минуты, когда политическія снисхожденія допустили хищенія и несправедливости, личная выгода послужила основою и сдѣлалась главнымъ двигателемъ каждаго человѣка, уничтоживъ всякіе начатки дисциплины; императоръ Напонеонъ это замѣтилъ, но слишкомъ поздно; нѣсколько случаевъ правосудныхъ взысканій не могли помочь злу и пришлось бы ломать то, что наиболѣе было выгодно и содѣйствовало его видамъ. Его интересы этого не дозволили, и, съ этого времени, армія, самая почтенная, въ отношеніи воинской славы и блеска, развратилась до того, что уже и не вѣдала никакой мѣры. Она могла противустоять опасностямъ, ибо храбрость была ей свойственна, но не могла устоять предъ лишеніями, къ которымъ не привыкла; наконецъ, начала бороться за средство къ существованію, а такъ какъ правосудіе и порядокъ исчезли совершенно, то сильный одолѣлъ слабаго и произошло то, что каждый, для добычи необходимаго, покидалъ свои ряды, и вслѣдствіе этого, при несчастіи, никого не оказалось на своемъ мѣстѣ.

Послѣ взятія Сморгонъ французы спрашивали у меня, гдѣ находится ихъ авангардъ, а я, въ свою очередь, спрашивалъ у нихъ, гдѣ остались ихъ генералы?

Одной дивизіи Луазона, недавно прибывшей въ Сморгоны, при томъ числѣ пушекъ, которыя были при ней, и выгодной позиціи, занимаемой ею, было бы достаточно, чтобы остановить не только меня, но и всю нашу армію и дать время войскамъ, предшествовавшимъ дивизіи, вступить въ Вильно и здѣсь, собравшись съ силами, выиграть у насъ нѣсколько дней.

Этого печальнаго примѣра достаточно, чтобы доказать каждому, что войска должны быть руководимы правилами чести и что во всѣхъ случаяхъ необходимо не дозволять имъ злоупотреблять ихъ силою, когда правительство доставляетъ въ избыткѣ

все необходимое; точно также должно наблюдать строгимъ окомъ, чтобы во всемъ былъ порядокъ.

Словомъ сказать, недостатокъ въ необходимомъ разстраиваетъ порядокъ гражданскій, но когда армія получаетъ все отъ щедротъ государя, всякое злоупотребленіе въ войскахъ должно быть подвергаемо взысканію, и не существуетъ того случая, который могъ бы дозволять своевольныя наглости, даже въ непріятельскихъ земляхъ.

Выгоды и прибыли, добываемыя войною, должны быть точно также наградою отъ государя за усердную службу, а не находиться въ распоряженіи частнаго лица, ибо вообще солдатъ, хорошо содержимый, кормленный и одѣтый—храбръ; разбогатѣвъ, онъ становится нерадивымъ и кончаетъ тѣмъ, что дѣлается трусомъ.

Генералъ Чаплинъ.

Письма генерала Чаплица къ адмиралу П. В. Чичагову.

I.

Пирмонтъ. ? августа, 1814 г.

Сожалѣю, что у меня нѣтъ необходимыхъ бумагъ для истиннаго изображенія всѣхъ движеній арміи, которою ваше превосходительство изволили командовать; я увѣренъ, что могъ бы тогда съ военной точки зрѣнія представить публикѣ дѣйствія, столь сильно повліявшія на успѣхъ кампаніи 1812 г., и не имѣлъ бы нужды прибѣгать къ увертками, чтобы разубѣдить публику и привести въ смущеніе людей злонамѣренныхъ.

Если ваше превосходительство признаете меня за человѣка способнаго изложить вкратцѣ вашу кампанію, тогда пришлите мнѣ копіи съ инструкцій, полученныхъ вашимъ превосходительствомъ отъ государя императора, и всѣ повелѣнія, до военныхъ операцій относящіяся, равно и журналъ приказовъ по разнымъ корпусамъ; тогда, по этимъ даннымъ, я занялся бы изображеніемъ картины военно-исторической.

Несправедливое обращеніе съ нашей арміей и предубѣжденное отношеніе къ разбору нашихъ дѣйствій меня вынудили оспаривать мнѣнія, явившіяся слѣдствіемъ заблужденій, въ которыя были введены наши судьи; одни указывали на ошибочныя движенія, другіе, еще того менѣе послѣдовательные, досадовали на то, что Наполеонъ не былъ взятъ въ плѣнъ, заявляя громогласно, что у него не было достаточно силъ для сопротивленія намъ. По истинѣ они были крайне удивлены, узнавъ, что численность его войскъ превосходила вчетверо число нашихъ, особенно въ ту минуту, когда его воображали себѣ бѣгущимъ во главѣ горсти людей безоружныхъ и упавшихъ духомъ. Но не частнымъ лицамъ произносить свой приговоръ надъ событіями историческими; публика можетъ быть введена въ обманъ лишь на минуту, она всегда кончаетъ тѣмъ, что восторгается людьми, съумѣвшими это заслужить.

Буду ожидать отвѣта вашего превосходительства касательно этого предмета и если таковой получу, то такимъ же образомъ пришлю къ вамъ копію съ моего очерка, составленнаго съ цѣлью заставить замолчать тѣхъ, которымъ невѣдомо Березинское дѣло и которые осмѣливаются посягать на добрую славу достойныхъ людей.

Въ эту минуту я только что получилъ ваше письмо чрезъ посредство г. барона Бюлера; благосклонный вашъ отзывъ обо мнѣ меня осчастливилъ, потому что мое честолюбіе я всегда полагалъ въ томъ, чтобы заслуживать одобреніе моихъ начальниковъ.

Мнѣ, какъ человѣку, сражавшемуся подъ вашимъ начальствомъ, отрадно сознаніе, что, одушевляемъ будучи ревностью вашею, я исполнилъ свой долгъ со всѣмъ тѣмъ восторгомъ, которымъ вы такъ хорошо умѣете вдохновить. Примите, ваше превосходительство, мою чувствительнѣйшую благодарность за всѣ знаки довѣрія и уваженія, которыми вы меня почтили: дань моей признательности будетъ неразлучна съ благополучіемъ вашимъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и отмѣнныхъ уваженіемъ имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою Чаплицъ.

P. S. Такъ какъ очеркъ кампаніи не можетъ быть оконченъ безъ указанія на движеніе вашей арміи отъ ея выступленія изъ Бухареста до присоединенія къ корпусу генерала Тормазова, я прошу ваше превосходительство постараться прислать мнѣ обзоръ этихъ дѣйствій, со всѣми приказами, данными тогда начальникамъ разныхъ корпусовъ, равно и копіями съ инструкцій, вашимъ превосходительствомъ полученныхъ. Существенно нужно все это пробѣжать, чтобы доказать съ одного взгляда, насколько ваша точность была необходима и какую выгоду доставила она арміи генерала Тормазова, подвергавшагося тогда вседневно опасности быть опрокинутымъ къ Кіеву. Единственно прибытіе ваше исправило весьма важную ошибку генерала Тормазова, который, вмѣсто того, чтобы пользоваться моимъ удачнымъ дѣломъ подъ Кобринымъ,—взятіемъ въ плѣнъ генерала Клингера, имѣя возможность истребить корпусъ генерала Ренье, рисковалъ, вслѣдствіе своей нерѣшительности, лишиться своего корпуса и быть принужденнымъ отступить къ Кіеву.

II.

Ваше превосходительство, вы были столь добры, что сообщили мнѣ записки француза о березинской переправѣ, при чемъ вамъ угодно было, чтобы я сдѣлалъ къ нимъ мои примѣчанія.

Краткость времени, которымъ я могъ располагать въ бытность мою въ Лондонѣ, и счастіе бесѣдовать съ вами помѣшали мнѣ удѣлить все необходимое вниманіе подробностямъ, изложеннымъ авторомъ на воззрѣніе читателя, считаю однако-же долгомъ обратить ваше вниманіе на одно событіе, о которомъ авторъ отзывается слишкомъ легко, тогда какъ оно, по существу своему, слишкомъ важно, чтобы не быть представленнымъ въ своемъ истинномъ свѣтѣ, тѣмъ болѣе, что авторъ стоитъ на томъ, что народной молвы не слу-

шаетъ, а однако-же ложно обвиняетъ и даже унижаетъ генерала Конопку, потерпѣвшаго пораженіе скорѣе изъ-за своей храбрости, нежели по недостатку осторожности.

Оперативныя дѣйствія на городъ Слонимъ должны быть разсматриваемы военнымъ историкомъ какъ дѣйствія приготовительныя къ операціямъ, слѣдовавшимъ одна за другою, обѣщая самые благопріятные результаты для нашей арміи. Успѣхъ на этомъ пунктѣ, одновременно со взятіемъ Полоцка и Тарутинскимъ дѣломъ, могъ весьма легко поколебать самыхъ рѣшительныхъ побѣдителей и заставить ихъ опасаться за столь пространныя операціонныя линіи.

Толчекъ, который я съумѣлъ дать войскамъ, мною предводительствованнымъ, подъ вашимъ начальствомъ, ихъ малочисленность, показанная мною непріятелю, и быстрота, съ которою я совершилъ послѣдніе переходы (ибо я употребилъ лишь 30 часовъ на переходъ пространства въ 80 верстъ), только и могли дать рѣшительный перевѣсъ, а отнюдь не небрежность непріятеля, растянувшаго тогда свои аванпосты на разстояніи до 24 верстъ.

По прибытіи моемъ, я нашелъ твердо стоявшаго непріятеля и если бы я не ускорилъ моего марша и не зналъ мѣстности, чтобы пересѣчь ее напрямикъ, то дѣло не могло бы имѣть важныхъ послѣдствій; я сбилъ непріятеля съ дороги, дѣйствуя одновременно на нѣсколькихъ пунктахъ почти всѣми моими силами и безконечно преслѣдуя его.

Въ этомъ сраженіи генералъ Конопка не сдѣлалъ иной ошибки, кромѣ той, что, домогаясь дешевой славы, произвелъ нѣсколько выстрѣловъ, чтобы ознакомить съ пальбою людей молодыхъ, недавно имъ набранныхъ. Не въ Слонимѣ, какъ то утверждаетъ авторъ, взялъ я въ плѣнъ этого генерала, но только лишь послѣ преслѣдованія за городомъ болѣе 15 верстъ могъ я истребить его корпусъ и самого взять въ плѣнъ.

Этотъ отличившійся генералъ имѣлъ несчастіе скомпрометировать свою репутацію и нанести, быть можетъ, существенный вредъ той цѣли, которой онъ добивался, такъ какъ это дѣло, если ваше превосходительство припомните, нагнало паническій страхъ на Литву; мнѣ удалось въ одинъ день истребить четыре полка, которые формировались, а также и всѣхъ рекрутовъ, назначенныхъ къ набору въ различныя войска: этотъ паническій страхъ произвелъ столь сильное впечатлѣніе, что всѣ архивы изъ Гродно и изъ другихъ городовъ были немедленно перевезены въ Вильно. Этотъ же самый страхъ далъ мнѣ еще возможность исполнить ваши приказанія, а именно держаться нѣсколько недѣль на 200 верстномъ разстояніи отъ главнаго корпуса арміи, бывшаго подъ вашимъ начальствомъ. Тогда этотъ корпусъ былъ поставленъ въ необходимость маневрировать противу войскъ, предводимыхъ княземъ Шварценбергомъ и генераломъ Ренье; это движеніе, сдѣланное цѣлой вашей арміей, обмануло князя Шварценберга, думавшаго, что онъ имѣетъ дѣло со всею

арміею, тогда какъ подъ конецъ ему противустоялъ лишь корпусъ генерала Сакена.

Приводя это обстоятельство, я желаю обратить на оное вниманіе вашего превосходительства и дать вамъ случай поразмыслить о событіи великой важности, дурно изображенномъ авторомъ, но рѣшившимъ взятіе Минска и движеніе на Березину.

Если-бы я менѣе зналъ ваше превосходительство, я не отважился бы, можетъ быть, говорить о дѣлѣ, столь близко меня касающемся, но вы, генералъ, умѣющій такъ хорошо отличать людей, усердно служившихъ своему государю, вы, не ищущій иной славы, кромѣ желанія добиться всегда счастливаго исхода для отечества, вы, конечно, поревнуете о приданіи блеска событію, столь существенно важному, къ которому другіе отнеслись съ такою легкостью.

Будучи увѣренъ въ вашемъ образѣ мыслей, генералъ, я обращаюсь къ вамъ съ полною откровенностію, чтобы остановить вниманіе ваше на примѣчаніе рукописи, въ коемъ авторъ, повидимому, обвиняетъ меня. Не знаю, были-ли ваше превосходительство извѣщены о томъ критическомъ положеніи, въ которомъ я находился, когда ваше превосходительство, согласно съ волею главнокомандующаго всѣми арміями, направились на Игуменъ; вѣрно то, что я получилъ въ это-же время приказаніе графа Ланжерона, въ коемъ онъ принуждалъ меня покинуть постъ, мною тогда занимаемый, и слѣдовать за нимъ, чтобы прибыть на тотъ пунктъ, который ваше превосходительство желали занять. Сообразуясь съ движеніями непріятеля и будучи увѣренъ въ одобреніи вашемъ, я увидѣлъ себя вынужденнымъ сдѣлать возраженіе генералу графу Ланжерону, дабы онъ дозволилъ мнѣ наблюдать за этою мѣстностью; однако, не смотря на это возраженіе, тогда столь необходимое, я получилъ второе приказаніе, въ коемъ значилось, что по полученіи онаго я долженъ покинуть это мѣсто; не смотря на то, я держался своего рѣшенія и увѣдомилъ васъ, что непріятель готовится совершить переправу и что я почитаю обязанностію сохранить мой постъ до полученія вашего приказанія.

На другой день я увидѣлъ, что непріятель готовится къ постройкѣ моста, а такъ какъ морозъ былъ уже тогда довольно силенъ и, кромѣ того, рѣка была не широкая, то нѣсколько стрѣлковъ переправились на нашъ берегъ; я употребилъ всѣ усилія, чтобы ихъ опрокинуть, и, не смотря на ихъ ружейный огонь, мнѣ удалось отбросить ихъ и они понесли большой уронъ. Тогда непріятель, собравъ всѣ свои силы, разставилъ 40 орудій большаго калибра, по возвышенностямъ, командовавшимъ мѣстностью, и открылъ огонь, безъ котораго ему было бы трудно выбить меня. Никоимъ образомъ нельзя винить меня въ томъ, что я не построилъ батарей, покуда могъ располагать моею позиціею, и авторъ неправильно понялъ мою защиту, ибо мои орудія не только дѣйствовали, но и все время причиняли большой вредъ, пока могли оставаться

на позиція; батареи, составленныя единственно изъ легкой артиллеріи, покинули свои мѣста лишь подъ отвѣсными выстрѣлами непріятельскихъ орудій; если бы у меня были пушки также большаго калибра, я не могъ бы употреблять ихъ, ибо почва занимаемой мною позиціи не была устойчива и, вмѣсто того, чтобы намъ причинять вредъ непріятелю, послѣдній кончилъ бы тѣмъ, что сбилъ бы ихъ у насъ.

Въ доказательство, насколько авторъ плохо зналъ истинныя обстоятельства дѣла, скажу, что я въ этотъ самый день лишился офицера, которому оторвало ногу, и нѣсколькихъ канонировъ, и былъ принужденъ отступить, вслѣдствіе чего маршалъ Удино легко могъ занять позицію съ этой стороны.

Однако же, не смотря на перевѣсъ въ силахъ, я продержался 14 часовъ, оспаривая у непріятеля каждый шагъ, и не смотря на самыя упорныя стычки, онъ не могъ выбить меня изъ позиціи, которую я долгомъ почиталъ занимать до прибытія вашего превосходительства.

Авторъ сдѣлалъ еще одну ошибку, утверждая, что съ обѣихъ сторонъ было убито и ранено лишь 200 человѣкъ; я самъ имѣлъ несчастіе потерять въ этотъ самый день многихъ достойныхъ офицеровъ и свыше 500 человѣкъ убитыми и ранеными: взялъ въ плѣнъ болѣе 200 (ряд. ?) и 8 офицеровъ, между которыми находился гвардейскій капитанъ. Потеря непріятеля была гораздо значительнѣе нашей, въ чемъ ваше превосходительство сами убѣдились по числу убитыхъ и раненыхъ, найденныхъ на полѣ сраженія.

Позвольте замѣтить, генералъ, что эта война выходила изъ ряда обыкновенныхъ; честный человѣкъ, истиннымъ усердіемъ одушевляемый, не домогался наградъ, но всей своей мощью содѣйствовалъ правому дѣлу, чтобы быть въ состояніи удостоиться отличія предъ своимъ государемъ и своими соотечественниками.

Несправедливость, зложелательство и, быть можетъ, частныя выгоды нѣкоторыхъ лицъ, не имѣвшихъ иной цѣли, кромѣ той, чтобы себя выказать, были причинами ссужденія всѣхъ вашихъ дѣйствій.

Публика, желавшая тогда лишь истребленія непріятеля, будучи введена въ заблужденіе, повѣрила этому невыгодному слуху; всѣ дѣйствія вашего превосходительства подверглись нареканію и вслѣдствіе этого, лица, служившія подъ вашимъ начальствомъ, должны были естественно быть принесены въ жертву.

Авторъ рукописи, вмѣсто того, чтобы придерживаться главнымъ образомъ изображенія похода, вашимъ превосходительствомъ совершеннаго, въ его истинномъ свѣтѣ, слишкомъ сильно нападаетъ на генерала Брониковскаго, чтобы оцѣнивать дѣйствія ваши, какъ они того заслуживаютъ; онъ старается доказать, что если бы всякій иной былъ на мѣстѣ этого офицера, то города Минскъ и Борисовъ не были-бы взяты; слѣдовательно онъ не придаетъ никакого достоинства движеніямъ, исполненнымъ вашимъ корпусомъ. Если-бы онъ

34*

занялся просто доказательствами движеній различныхъ корпусовъ, дѣйствовавшихъ по распоряженіямъ вашего превосходительства, каждый легко убѣдился бы въ томъ, что не было никакого средства удержаться въ Кайдановѣ, въ Минскѣ и въ Борисовѣ.

Генералъ графъ Ламбертъ дѣйствовалъ на большой дорогѣ, поддерживаемый десятитысячнымъ корпусомъ, шедшимъ по его слѣдамъ, подъ предводительствомъ вашимъ; я самъ достигъ праваго фланга, а генералъ Воиновъ—лѣваго; слѣдовательно, это направленіе вашего корпуса должно было непримѣтнымъ образомъ сбить съ позиціи небольшой отрядъ, выдвинувшійся впередъ, а по его разсѣяніи городъ Минскъ, подвергшійся атакѣ и съ обѣихъ сторонъ фланкируемый, не могъ болѣе быть защищаемъ.

Авторъ полагаетъ, что генералъ Домбровскій могъ-бы поддержать тетъ-де-понъ у Борисова, если-бы генералъ Брониковскій принялъ свои настоящія мѣры. Не знаю, имѣлъ-ли генералъ Брониковскій власть заставить маршала Удино придти въ Борисовъ, но разъ, если его тамъ не было, то и тетъ-де-понъ не могъ быть защищаемъ генераломъ Домбровскимъ. Графъ Ламбертъ, направляясь по прямой линіи къ Борисову, принудилъ генерала Домбровскаго занять этотъ пунктъ, тогда какъ я, по приказанію вашего превосходительства, дѣлалъ видъ, будто пересѣкаю ему дорогу, двигаясь между Игуменомъ и Борисовымъ. Слѣдовательно, успѣхомъ этого дѣла обязаны разумнымъ распоряженіямъ, а не ошибкамъ, которыя будто-бы надѣлалъ генералъ Брониковскій, какъ то утверждаетъ авторъ.

Нѣтъ болѣе несчастія, какъ понести пораженіе отъ своего панегирика, а оно именно такъ и случается, при недостаткѣ точныхъ свѣдѣній о самыхъ существенныхъ вещахъ; по моему, авторъ судитъ отнюдь не съ военной точки зрѣнія; онъ слишкомъ мало освѣщаетъ ту ничтожную вѣроятность, которую имѣла армія, вашимъ превосходительствомъ предводимая, стать лицомъ къ лицу къ непріятелю для его уничтоженія".

Сообщ. въ 1884 г. Л. М. Чичаговъ.